

«Убийцы великого
князя Андрея»:
Надпись об
убийстве Андрея
Боголюбского
из Переславля-
Залесского*

**Алексей Алексеевич
Гиппиус**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Институт славяноведения
Российской академии наук
Москва, Россия

Савва Михайлович Михеев

Институт славяноведения
Российской академии наук
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
Москва, Россия

“Assassins of the
Great Prince Andrey”:
An Inscription about
the Murder of
Andrey Bogolyubsky
from Pereslavl-
Zalessky

Alexey A. Gippius

National Research University
Higher School of Economics
Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Savva M. Mikheev

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
School for Advanced Studies in the
Humanities (RANEPa)
Moscow, Russia

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352)

Цитирование: Гиппиус А. А., Михеев С. М. «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве
Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 63–102.

Citation: Gippius A. A., Mikheev S. M. (2020) “Assassins of the Great Prince Andrey”: An Inscription about
the Murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalessky. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 63–102.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.3

This is an open access article distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

Резюме

Осенью 2015 г. на внешней стене южной апсиды Спасо-Преображенского собора XII в. в Переславле-Залесском была раскрыта пространная надпись с почти полностью читаемым списком убийц владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича, провозглашением проклятия убийцам и вечной памяти князю, погибшему от их рук в Боголюбове 29 июня 1174 г. Выполненное, вероятно, в 1175–1176 гг., во время княжения в Переславле младшего брата Андрея — Всеволода Юрьевича, — граффито представляет собой древнейший относительно точно датированный памятник письменности Северо-Восточной Руси. Подтверждая общую достоверность летописных рассказов об убийстве, надпись важна для изучения древнерусской княжеской титулатуры (Андрей Юрьевич назван в нем «великим князем») и социальной терминологии, так как убийцы князя — по-видимому, пейоративно — названы в ней *паробками* ‘слугами’, несмотря на высокий статус зачинщиков заговора. Она также представляет значительный интерес для истории церкви как самый ранний пример анафематствования на Руси государственных преступников.

Ценную новую информацию дает перечень убийц, включающий имена 11–13 лиц. Главный заговорщик Петр, зять боярина Кучка, был, как выясняется, сыном Фрола — возможно, ктитора церкви Свв. Флора и Лавра в Московском Кремле. Написание через *ц* отчества третьего из убийц, Якима, — *Куцковичь* — может свидетельствовать о новгородском происхождении Кучка. Для отчества четвертого в списке — Офрема Моизича — принимается объяснение В. С. Кулешова, возводящее его к арабскому имени *Му’изз*, которое могло принадлежать мусульманину из Волжской Булгарии. Занимающий пятую позицию Добрыня Микитич предположительно идентифицируется с ростовским боярином Добрыней Долгим — активным участником борьбы за наследство Андрея Боголюбского, погибшим 27 июня 1176 г. в битве на Юрьевском поле. Последним в списке значится носитель редчайшего славянского имени *Стырята*, встречающегося также в комплексе надписей-граффити из церкви Благовещения на Городище под Новгородом.

С лингвистической точки зрения текст выделяется сильной продвинутостью процесса падения редуцированных, сближаясь в этом отношении с новгородской берестяной грамотой № 724, датированной тем же временем.

Надпись была прочитана с опорой на трехмерную модель, полученную Лабораторией RSSDA (<https://rssda.su/ep-rus>).

«Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования». Трехмерные модели надписей выполнены в Лаборатории RSSDA под руководством Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко. Авторы признательны за разнообразную помощь в работе в Переславле-Залесском А. Ю. Андреевой, А. Ю. Виноградову, Д. Д. Елшину, Н. А. Макарову, К. К. Поливанову, Т. К. Федоренко и Е. К. Шадунц. Мы также признательны А. А. Астайкину и В. А. Кучкину за замечания, высказанные ими при обсуждении нашего доклада о переславских надписях в 2017 г. Отдельная благодарность — А. Ю. Виноградову, Вл. В. Седову, Ф. Б. Успенскому и Е. К. Шадунц за консультации по разным вопросам, обсуждаемым в статье, а также анонимному рецензенту за ценные замечания.

Ключевые слова

Переславль-Залесский, Спасо-Преображенский собор, Андрей Боголюбский, эпиграфика, надписи-граффити, XII век

Abstract

The present paper deals with a long inscription which was uncovered in the autumn of 2015 on the external wall of the southern apse of the 12th century Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalessky. It contains an almost fully legible list of assassins of the Vladimir-Suzdal prince Andrey Yuryevich, who was murdered in Bogolyubovo on June 29th, 1174. The writer places a curse on the murderers and wishes eternal memory to the prince. The graffito probably dates from 1175–1176 when Andrey's younger brother Vsevolod Yuryevich ruled in Pereyaslavl. It is the oldest inscription from the North-Eastern Rus' to have a fairly precise dating. The discovery corroborates the general accuracy of the chronicles in respect to the murder and serves as a source for the study of Old Russian princely titles and other terms of social hierarchy. Andrey Yuryevich is called the *grand prince* and his murderers are collectively given the pejorative name of *parobki* (servants) despite the high social status of at least some of them. As the first example of anathematising state criminals in Rus', the inscription has relevance for church history as well.

Valuable new information is provided by the list of assassins. It includes the names of 11–13 individuals. The list indicates that the main conspirator, the boyar Kuchcko's son-in-law named Peter was the son of someone named Frol. That Frol may have been the founder of the Church of Saints Florus and Laurus in the Moscow Kremlin. The patronymic of the third of the murderers Yakim *Kuckovič* is spelled with a *c*, which may be an indication of Kuchko's Novgorodian origin. The fourth on the list is Ofrem Moizich. The authors accept the Arabic origins of Ofrem's patronymic suggested by V. S. Kuleshov. The latter traces it back to the name *Muſizz* which could have belonged to a Muslim from Volga Bulgaria. The fifth conspirator Dobryna Mikitich is tentatively identified as the Rostov boyar Dobryna the Tall. He played a prominent role in the feud triggered by the assassination of Andrey Yuryevich and perished in the Battle of Yuryev Field on June 27th, 1176. The last person on the list bears the rare Slavic name *Styrjata* which elsewhere is attested only in the 12th century graffiti inscriptions from the Annunciation Church at Gorodische near Novgorod.

From the standpoint of linguistics the inscription demonstrates an advanced stage of the *yer*-shift. In this respect it is similar to the Novgorod birch-bark letter No. 724 which dates from the same period.

The inscription was read with the help of a three-dimensional model created by the RSSDA Lab. (<https://rssda.su/ep-rus>).

Keywords

Pereslavl-Zalessky, Transfiguration Cathedral, Andrey Bogolyubsky, epigraphy, graffiti inscriptions, 12th century

При последней реставрации Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в июле 2015 г. его внешние стены были расчищены¹. На открывшихся обозрению древних белокаменных блоках во многих местах были найдены древнерусские граффити, включающие более дюжины надписей. В данной статье публикуется самая пространная из них. Эта выдающаяся по своему историческому значению надпись посвящена одному из центральных событий политической истории Руси XII в. — убийству владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского 29 июня 1174 г.

Сохранившееся *in situ* граффито расположено по центру южной апсиды собора на высоте 110 см над цоколем, т. е. на довольно большой высоте от границы фундамента и цокольной части. На южной апсиде полная высота цоколя, низ которого находится приблизительно в 35 см под современной вымосткой у стен храма, составляла около метра, т. е. нижний край надписи мог возвышаться над уровнем земли времени постройки собора более чем на 190 см, а верхний — приблизительно на 210 см.² На той же высоте располагалась самая пространная древнерусская настенная надпись — эпитафия князю Всеволоду Мстиславичу 1138 г. в церкви Благовещения на Городище под Новгородом [Гиппиус, Михеев 2019: 36–43, № 1]. Как и переславское граффито, она была выполнена достаточно мелким почерком (высота букв переславской надписи варьируется от 5 до 18 мм, а новгородской — от 5 до 15 мм). Еще выше, на уровне 229 см над древним полом, находится надпись в Софии Киевской, зафиксировавшая акт освящения собора 4 ноября 1052 г. [Корнієнко 2015: 121, 337 (табл. CLXXXVII), 430, № 3541; Гиппиус 2016]. Расположение надписи об убийстве Андрея Боголюбского на такой высоте, существенно выше зоны сосредоточения обычной храмовой эпиграфики, можно было бы тоже объяснить экстраординарностью ее содержания. Между тем изучение других надписей Спасо-Преображенского собора позволяет иначе взглянуть на этот вопрос. Ниже всего из выявленных нами надписей

¹ Расчистка от многослойных покрасок велась водно-воздушной смесью под высоким давлением. Этот бережный метод одновременной очистки и промывки стен был предложен начальником реставрационного участка И. И. Селезевым и бригадиром белокаменщиков Н. В. Моховым (сотрудники ЗАО «Росреставрация»). Остатки покрытия снимались пластиковыми щетками и шпателями. Затем стены были обработаны составом, не позволяющим камню насыщаться влагой, но проницаемым для газа и пара. Подробнее [Отчет 2015].

² По оценке Л. Б. Сукиной, белокаменный блок с пространной надписью мелким почерком находился так высоко над уровнем древней поверхности, что текст невозможно было прочесть. В своих расчетах Л. Б. Сукина исходит из того, что современная поверхность выше древней примерно на метр [Сукина 2018: 50], ссылаясь на статью Н. Н. Воронина [1949]. По его наблюдениям, цоколь церкви возвышался над древней поверхностью земли на высоту двух рядов белокаменной кладки [Воронин 1949: 200], однако с тех пор почти все поздние наслоения были сняты при благоустройстве территории в 1972 и 2002 гг.

располагаются два граффити на южном фасаде: нижняя точка одного из них находится примерно в 45 см над цоколем, семь граффити — включая большую надпись об убийстве Андрея Боголюбского и соседнюю краткую надпись *Пьтрь* — сосредоточены на уровне 75–110 см над цоколем, еще две надписи находятся в 120–135 см над цоколем³, а еще три расположены существенно выше⁴. Весьма вероятно, что сразу после постройки храма или вскоре после этого уровень поверхности вокруг него достиг или почти достиг современного, благодаря чему на соборе нет надписей, расположенных ниже, чем в 45 см над цоколем, т. е. в 110 см над совре-

³ Так, в 130 см над цоколем, у правого края лопатки, расположенной с южной стороны от западного портала церкви, выбита крупная надпись: *мѣцѣл [ма]и[а] възвръгѣ на д[е]сѣлт[е] прѣст(а)висл Варвара много | вдовиць къ ц[р]к[и]сѣ* | приоучивши мист[и]н[т]ю '12 мая преставилась Варвара, милостыней приучившая к [посещению] церкви много вдов' (вписанное над строкой слово *дн(-)* <день> прочтено М. М. Дробышевой). Другая надпись находится на южном фасаде собора. (Здесь и ниже используются следующие условные обозначения: в квадратные скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи).

⁴ Укажем на наиболее интересную из таких надписей. В 520 см над цоколем, на южной апсиде храма, в 50 см правее окна и в 70 см от правого края, находится изысканная криптограмма, которая состоит из двух монограмм на основе букв *Ѡ* слева и *Ѩ* в центре и отдельно приписанной буквы *л* справа, что складывается в слова *Теодоръ Ѩалъ*. На существенную высоту расположения некоторых граффити на стенах собора обратила внимание Л. Б. Сукина, которая сделала на этом основании вывод, что «камни с граффити в свое время использовались просто в качестве строительного материала при строительстве и ремонтах храма» [Сукина 2018: 50]. Это дало ей повод сомневаться и в первоначальном местоположении белокаменного блока с надписью об убийцах Андрея Боголюбского: «Возможно, и блок с интересующей нас надписью оказался на внешней стороне абсиды случайно, будучи перенесенным из другой части храма во время одного из его многочисленных ремонтов». Сомнения исследовательницы предполагают одно из двух: либо перед нами сполгия, т. е. деталь, предназначенная первоначально для другого здания, либо южная апсида собора была когда-то полностью или почти полностью переложена. Однако скругленный профиль блока с надписью показывает, что он мог быть вырезан только для этого или идентичного в плане и размерах своей восточной части храма, что заставляет отбросить версию о сполгии. Версия же о перекладке стен почти всего собора требует дополнительных доводов кроме наличия граффити на большой высоте, так как эти граффити могли быть выполнены с лестниц, лесов, крыш пристроек или каких-то иных возвышений или же еще на земле, перед установкой блоков на их места. Последнее кажется особенно вероятным в отношении читаемых вверх ногами граффити на камне цоколя собора, также упоминаемых Л. Б. Сукиной (ср. многочисленные граффити на камне из верхней части фундамента Софийского собора в Полоцке [Булкин, Рождественская 1984; Калечыц 2011: 36–38]). Относительно же надписей на большой высоте предпочтительна версия об их исполнении с лесов, так как совсем недавно при исследовании пазов от лесов на фасадах Спасо-Преображенского собора было установлено, что все граффити в верхней части стен находились примерно в 140 см над настилами древних лесов [Виноградов et al., 2020 : 73–75].

менной вымосткой.

Расположение надписи на внешней стене апсиды, вероятно, неслучайно. Использование этих стен для размещения надписей официального характера находит аналогии в эпиграфике романской Италии. Так, на центральной апсиде собора в Модене помещена надпись, выполненная в начале XIII в. и сообщающая о начале строительства собора в 1099 г. архитектором Ланфранко [Frigieri 2004: 22]⁵. Впрочем, нельзя не обратить внимания на различия между моденской и переславской надписями: если первая тщательно выбита на отдельной мраморной плите, то вторая является типичным древнерусским граффито, мелко процарапанным по одному из камней кладки. По-видимому, в этом проявляется специфика древнерусской эпиграфики, знающей лишь редкие примеры монументальных надписей.

Граффито было обнаружено 8 октября 2015 г. в ходе обследования стен, проводившегося авторами статьи при участии Е. К. Шадунц, Д. Д. Ёлшина, Л. А. Голофаст и К. К. Поливанова, который и заметил под остатками поздней побелки фрагменты многострочной надписи (рис. 1).

Рис. 1. Фотография надписи 8 октября 2015 г.

⁵ К тому же времени относится надпись на внешней стене апсиды церкви Санта Мария Маджоре в Ассизи, зафиксировавшая окончание строительства в 1216 г. [Brogliato 1992: 211–212].

Расчистка, с большим искусством осуществленная реставратором Т. К. Федоренко⁶, полностью вскрыла сделанную мелким почерком надпись в две колонки, обведенные прямоугольной рамкой с вертикальным разделителем между колонками (рис. 2).

Рис. 2. Общий вид надписи. Растровое изображение трехмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA)

Сильное разрушение поверхности камня существенно затрудняет прочтение, особенно в нижней части надписи. Наиболее четкие части текста были прочитаны уже в Переславле-Залесском 22 октября 2015 г.⁷, другие — по серии фотографий, снятых тогда же в темное время дня при искусственном боковом освещении. В конце 2015 г. прочтенный на тот момент текст надписи был распространен в средствах массовой информации⁸. При дальнейшем изучении фотографий удалось незначительно дополнить его прочтение.

⁶ За содействие в организации работы авторы признательны директору Института археологии РАН Н. А. Макарову.

⁷ Работы проводились при участии А. Ю. Виноградова, К. К. Поливанова, Т. К. Федоренко и Е. К. Шадунц.

⁸ Пресс-релиз Института археологии РАН (доступ по ссылке: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/n332>).

Весной 2017 г. методом фотограмметрической обработки цифровых фотографий Лабораторией дистанционного зондирования и анализа пространственных данных (Лабораторией RSSDA) под руководством Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко была сформирована трехмерная модель надписи⁹. Работа с нею позволила достигнуть значительного продвижения в прочтении граффито: читавшийся до того лишь фрагментарно перечень убийц Андрея Юрьевича в шести верхних строках левой колонки удалось прочитать почти полностью, а в правой колонке — дочитать седьмую строку.

В результате текст можно представить так:

Өральвич[ь]

	Петръ : Амбаль : ІАкы КѢцковичь (:) [О](ө)рѣмь (Мои)зичь Добр[ы](н)[а М](и)китич [О]ур-[мь]----- [Ми]кита	мѢѸа июня [к]ө оубиень бы ^с кн[а]≠ зь Анѣдрѣи своими паробкы
5	Петр(ъ) Иванковичь Өрольць Ми≠ рѣшка Пѣтрѣко Стырата си сѣть [Ѣ]биіци велика≠ го княза Анѣдр[ѣа] да бѣд-[тъ] прокла≠	овомѢ вѣч[н]аа па≠ мат[ь] а симѣ вѣчнаа м[Ѣ]к[а] ачь кто в помы≠ ... -[ѣ]--- [до].лз[ѣ]
10	ти и вѣ...ка(...)	... (...)

⁹ Бесконтактное документирование, формирование трехмерной полигональной модели, а также подбор алгоритмов визуализации рельефа поверхности выполнялись Лабораторией RSSDA под руководством Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко. В сборе и обработке данных участвовали Д. Ю. Анисимова, Р. Г. Габдулин, А. Д. Клейменов, Е. С. Конакова, А. С. Пешков, С. В. Пешков, Е. В. Юшин. Детальность полученной модели надписи составила 150 тыс. полигонов на кв. см. Ее упрощенный вариант доступен по ссылке: <https://rssda.su/ep-rus>.

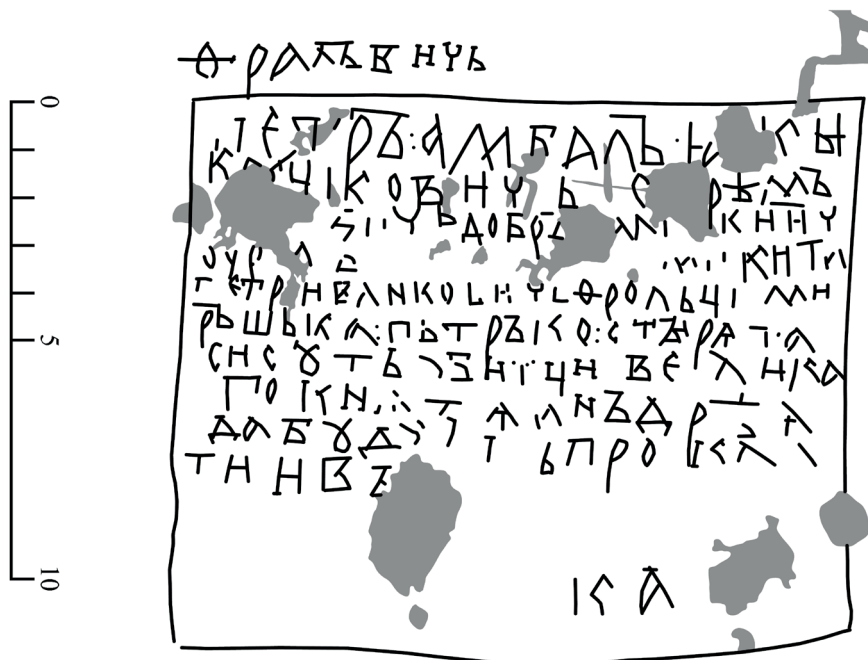

Рис. 3. Левый столбец надписи. Фотография 22 октября 2015 г. и прорись

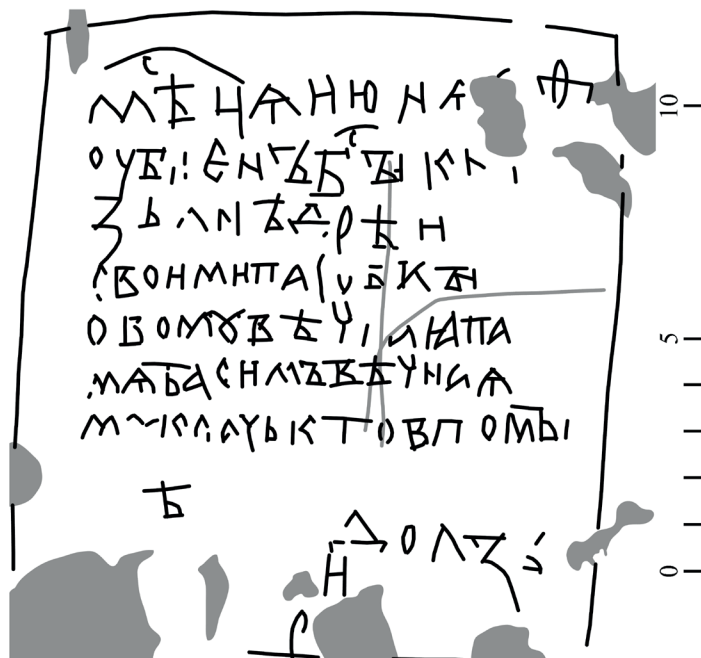

Рис. 4. Правый столбец надписи. Фотография 22 октября 2015 г. и прорись

Ширина рамки — 26 см, высота — 14 см. В левой колонке, по-видимому, было 13 строк (не считая приписанного сверху слова *Θραλῶвич[ъ]*), в правой — 10 или 11 строк. Высота букв, как уже указывалось, составляет от 5 до 18 мм. Буквы в первых и последних строках надписи крупнее, чем в центральных, что могло быть вызвано и естественной причиной: меньшим удобством начертания букв на слишком большой и на слишком малой высоте. В нескольких местах в надписи представлены высокие варианты букв *т* и *ѣ*: *Θραλῶвич[ъ]*, *Петръѣ*, *Амбалѣ*, *[М](и)китич* и *Ми|рѣшѣ* в левой колонке, *на|м.м.т[ъ]* и *ѣ* в составе *ѣ* в *помѣ* — в правой. При этом в слове *[М](и)китич* и, вероятно, в слове *на|м.м.т[ъ]* высокая буква *т* образует лигатуру с последующей гласной.

Прямоугольная рамка надписи увенчана голгофским крестом. Судя по большей толщине линий, он был добавлен к надписи позже. Справа от креста располагается ряд вертикальных штрихов. В 13 см правее граффито на том же уровне и тем же почерком написано имя *Пѣтръ*, с которого начинается и сама надпись (о его начертании еще пойдет речь ниже).

Текст оформлен в виде диптиха¹⁰. Его левую створку занимает список убийц «великого князя Андрея» и проклятие им, правую — сообщение об убийстве князя, совершенном 29 июня, возгласение вечной памяти убиенному и вечной муки убийцам, а также еще одна фраза, о смысле которой приходится догадываться. Эта фраза, скорее всего, содержала слово *помышление*. Она могла иметь в виду тех, кто помыслит совершить подобное злодеяние в будущем, или же тех, кто сочувствовал заговору, прямо не участвуя в нем¹¹. Для продолжения левого столбца высоковероятной представляется конъектура «и в(ъ сь вѣкѣ и въ бѣдѣщи)» — стандартное завершение формулы церковного проклятия.

Орфография надписи характеризуется непоследовательным соблюдением норм книжного письма. Употребление букв *ѣ* и *ь* — в основном

¹⁰ Ширина его «створок» несколько превышает высоту, что отличает вид надписи от книжного разворота. Практически те же пропорции имеют между тем страницы единственной сохранившейся берестяной книжицы — новгородской грамоты № 419, конца XIII в.

¹¹ Второе кажется более вероятным. Остатки текста в восьмой и девятой строках допускают реконструкцию: *ачь кто в помѣ|[и] (ле) [нѣ] ходилъ | бѣ] (и) [ме до] лѣтъ | ...*, т. е. 'А кто находился в помышлении, тот будет долго...'. Плюсквамперфект *ходилъ бѣ* в таком контексте вполне уместен, обозначая действие, предшествовавшее действию, названному аористом. Фразу должен был заключать инфинитив, в сочетании с презентной формой вспомогательного глагола образовывавший форму сложного будущего времени (например, *име долъзъ каятися* или *име долъзъ скорбѣти*). Поскольку формы 3-го лица без окончания *-тъ* для северо-восточной диалектной зоны нехарактерны, последовательность *име долъзъ* можно интерпретировать как отражающую произношение согласного с долгим затвором [им'е^ддолз'ѣ], возникшего на границе слов после утраты редуцированного.

стандартное, но с отдельными проявлениями эффектов бытового письма в виде замен *о* на *ѡ* (*Ѡралъвич[ѡ]*, *Миръшька*) и *е* на *ь* (*Пѣтръко, ачь*). При этом нельзя не заметить, что первая из названных словоформ, написанная вне рамки, представляет собой более позднее авторское добавление, а еще две следуют друг за другом в конце перечня убийц: *Ми[ръшька Пѣтръко*. Сочетание [ja] дважды обозначено буквой *л* (*Лѣкѡ, вѣч[н]аѡ*) и дважды — буквой *л* (*Андр[ѡ.л]*, *вѣчна.л*). Сочетание [je] единственный раз записано как *е*. Звук [y] в начале слова дважды передан как *оу* ([*Оу*р-, *оубиенѡ*) и один раз как *ѡ* (*[ѡ]биѡци*); после согласного используется только *ѡ* (5 раз). Буква *ѡ* заменяет *и* после гласной в единственном релевантном примере внутри слова (*[ѡ]биѡци*). Буква *ѡ* употребляется в соответствии с этимологией.

Большой интерес представляет состояние редуцированных в тексте надписи. Слабые редуцированные отсутствуют в девяти из десяти случаев, где они разделяли две одиночных согласных: *Кѡцѡвичѡ, Иванковичѡ, паробѡѡ, князѡ, князѡ, вѣчна.л, вѣчна.л, кто, в помѡш...*; единственное исключение — *Миръшька* — приходится на короткий участок текста, на котором представлены два вкрапления бытовой орфографии. Заметим, что редуцированные отсутствуют и в тех особых позициях, где, по данным А. А. Зализняка [2004: 61], их утрата в берестяных грамотах протекает медленнее, чем в среднем: между согласными, различающимися по глухости-звонкости (*паробѡѡ*), и после *в* (*в помѡш...*). При этом в имени *Андрѡѡ* вставной редуцированный дважды сохранен. То, что это редуцированный непереднего ряда, делает его сохранение особенно показательным — более ожидаемый в этой позиции (перед слогом с передним гласным) *ѡ* можно было бы трактовать как знак мягкости. Фактором, способствовавшим сохранению редуцированного гласного, стала, по всей вероятности, сложность группы согласных, возникавшей при его утрате. Тем же можно объяснить и сохранение слабого *ѡ* в *Пѣтръко*. На месте сильных редуцированных находим *ѡ* в *Фрольѡѡ* и *о* в *долѡѡ*. Из этих двух написаний первое малопоказательно: в следующих двух именах *ѡ* и *ѡ* пишутся на месте этимологических *о* и *е*, так что за написанием *Фрольѡѡ* вполне может стоять произношение [фроль'ѡѡ]¹²; второе, напротив, показательное, поскольку случаи замены этимологического *ѡ* на *о* (как и *ѡ* на *е*) в надписи отсутствуют (по этой же причине *Пѣтръко* мы трактуем как <Петръко>, а не как <Петрокъ> или <Петръкъ>).

Таким образом, надпись — за исключением фрагмента с вкраплениями бытовой орфографии — отражает позднерусское состояние с утратой слабых и прояснением сильных еров, сохраняя слабые

¹² Отдельное *Пѣтрѡ* справа от основной надписи может представлять собой недописанное *Пѣтрѡѡ* [п'ѡтрѡѡ] (иначе второе *ѡ* объяснить затруднительно).

редуцированные там, где их утрата вела к образованию сложной группы согласных. Эта картина близка к отраженной берестяной грамотой № 724, датируемой по упоминаемым в ней историческим лицам (включая, кстати, Андрея Боголюбского, названного просто Андреем) 1161–1167 гг. Имя *Аньдрѣи* в написанном по-книжному основном тексте на лицевой стороне грамоты записано с ъ на фоне последовательной утраты слабых еров в простых сочетаниях согласных, а в приписке на обороте мы видим бытовую орфографию и сохранение слабых редуцированных в нескольких позициях (см. уточненную характеристику состояния редуцированных в этом документе в [НГБ, XII: 266–267]). Поскольку сильная продвинутость процесса падения редуцированных в грамоте № 724 предъяснялась в качестве аргумента против датировки ее указанным временным интервалом [Петрухин 2009: 122–125; Idem 2019: 81–99], показания переславской надписи, сделанной, скорее всего, вскоре после 1174 г., приобретают особую значимость. Нужно заметить, что в отношении утраты слабых еров надпись демонстрирует даже бóльшую продвинутость, чем лицевая сторона грамоты № 724, где редуцированные сохраняются и в особых позициях между одиночными согласными (*отъбыти, въ борзѣ, въ томь*).

Внестратиграфическая датировка по методике А. А. Зализняка [2000; 2015] дает интервал [1180–1240], предпочтительно — [1180–1200] (см. Табл. 1), что позволяет датировать надпись последней четвертью XII — рубежом XII/XIII вв. Это делает граффито древнейшим относительно точно датированным памятником письменности Северо-Восточной Руси (до сих пор таковым считалась рукопись Жития Нифонта Констанцского, 1219 г.; о ней см. [СК XI–XIII: 194–197 (№ 174)])¹³.

Таблица 1

Датирующие признаки

Б 3	Выступ сверху	предпочт. до [1200]
В 4	Выступ сверху	до [1280], предпочт. до [1200]
И 2б	Нижние засечки (короткие)	предпочт. [1120–1400]
П 1	Выступ сверху	до [1300], предпочт. до [1200]
Т 1	Нижняя засечка	предпочт. [1120–1400]
Т 2	Без боковых засечек	предпочт. [1120–1300]
Ц 5	Платформа по низу строки	предпочт. до [1200] или после [1300]
Ѣ 1	Длинные усы	до [1240]
Язык: чистое средне-др.-р. состояние		после [1180], предпочт. после [1220]

¹³ Считать таковым антиминос 1148 г. [Рыбаков 1964: 28–32, табл. XLII, № 25] нет достаточных оснований, так как, во-первых, он был найден в Новгороде, а во-вторых, был создан для освящения некой церкви Св. Георгия — по-видимому, в Ростовской епархии — новгородским епископом Нифонтом.

Для исторической морфологии русского языка важна словоформа [8]биѣци — один из древнейших примеров вытеснения исконной флексии *-ъ* именительного и винительного падежей множественного числа мягкой разновидности *a*-склонения новым окончанием *-и*, заимствованным из твердого варианта. Из материала, собранного в [Иорданиди, Крысько 2006: 148–151], к более раннему времени относится только пример вин. мн. *милостыни* из Изборника 1076 г., но он вызывает у авторов справедливые сомнения. Действительно, судя по тому, что и второй по древности книжный пример — *рабыни* в новгородском Пантелеймоновом евангелии конца XII в. — фиксируется у существительного на *-ыни*, слова этой категории вели себя в данном отношении особо. Последовательное закрепление в этой позиции (а также в род. падеже единственного числа) инновационных форм на *-и* было характерно для Северо-Восточной Руси, где оно фиксировалось до сих пор лишь памятниками XIV в. Переславское граффито показывает, что этот процесс активно шел уже в XII в.

Исторический контекст граффито создают подробные рассказы об убийстве Андрея Боголюбского, донесенные до нас владими́ро-суздальским и киевским летописанием, а также краткое сообщение о нем в Новгородской первой летописи¹⁴. Особая пространность отличает рассказ Ипатьевской летописи. Имея общую текстуальную основу с дошедшим в Лаврентьевской и связанных с нею летописях (Радзивилловской и Летописце Переяславля Суздальского), он включает целый ряд дополнительных эпизодов и драматических подробностей. Среди исследователей нет согласия во мнениях о соотношении двух версий летописного повествования: в то время как одни авторы предполагали сокращение в Лаврентьевской летописи протографа, более полно переданного в Ипатьевской, другие, напротив, рассматривали ипатьевский вариант как результат позднейшего распространения, осуществленного с привлечением литературных источников (первой точки зрения придерживались, в частности, Н. И. Серебрянский [1915: 145 (1-я паг.)] и Н. Н. Воронин [1963], второй — Д. С. Лихачев [1947: 241–246], а в последнее время — Т. Л. Вилкул [2005]). Согласно А. Н. Насонову [1969: 144–167], имело место и то и другое, при этом «есть основания думать, что составитель Лаврентьевской редакции сокращал не тот текст, который отразился в Ипатьевской, а более ранний, который впоследствии был дополнен при составлении северо-восточной летописи, отразившейся в Ипатьевском своде» [Насонов 1969: 153]. Этот взгляд развивает В. А. Кучкин [2003], предполагая отдельное происхождение владимирского рассказа,

¹⁴ См. [ПСРЛ, 1: 367–370 (6683, л. 124–125); 2: 580–593 (6683, л. 205об.–209); НПЛ: 34 (6682, л. 39), 223 (6682, л. 114–114об.)].

отраженного Лаврентьевской летописью, и оригинального киевского повествования, слитого в составе Ипатьевской летописи с текстом северо-восточного летописного источника.

Сопоставление надписи с летописными данными начнем с того, что их объединяет. Это прежде всего дата события — 29 июня, совпадающая с указанной в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской убийство датировано 28-м июня, но указание дня недели — субботы — этому противоречит: в 1174 г. 28 июня было пятницей. Расхождение это, впрочем, объясняется просто (см. [Бережков 1963: 78–79, 163, 191–192; Карпов 2020: 334–335]): согласно обоим изводам летописного рассказа, убийство произошло «в субботу на ночь / ношь», при этом в Лаврентьевской летописи сказано: «на памѣ стою апѣлу Петра и Павла», а в Ипатьевской: «канунъ (в Хлебн. списке: на канонъ) стыхъ апѣлъ» [ПСРЛ, 1: 369 (6683, л. 124об.); 2: 580 (6683, л. 205об.), 589 (6683, л. 208)]. Независимое свидетельство Новгородской первой летописи о том, что князь был убит «на канонъ святоу Петру и Павлу, в ношь» [НПЛ: 34 (6682, л. 39), 223 (6682, л. 114)], не оставляет сомнений в том, что во всех трех случаях имеется в виду ночь с пятницы на субботу. В пятницу же, в канун праздника, убийцы собрались на совет у главного из заговорщиков — Петра, Кучкова зятя, — очевидно, по случаю и под прикрытием празднования его имени¹⁵. В надписи эти детали, естественно, отсутствуют, но наличие в списке убийц сразу трех Петров подтверждает неслучайность даты.

Важно, далее, что в надписи, как и в летописных сообщениях об убийстве, Андрей назван *великим* князем. А. Поппэ, отмечая уникальность такого определения Андрея Юрьевича в летописании, отказался видеть в нем свидетельство претензий владимирского «самовластца» на великокняжеский титул и связал с воспринятой на Руси на рубеже XI/ XII вв. византийской практикой именованья великим (*megas*) умершего правителя [Рорре 1989: 182]. Граффито показывает, что эта практика не ограничивалась летописным узусом. Характерно, что в надписи, в отличие от летописи, определение «великий» находится не в сообщении об убийстве, но в той части текста, где называются имена убийц. Причина очевидна: в читаемом слева направо настенном диптихе перечисление убийц и проклятие им предшествуют сообщению об убийстве, составляющему своего рода комментарий к тексту в левой колонке.

Указание надписи на то, что князь был убит собственными *паробками* (слугами), не находит соответствия в Лаврентьевской летописи,

¹⁵ Специально о значении последнего обстоятельства см. [Литвина и Успенский 2019: 167–169]. Отметим его прямое упоминание в Тверском сборнике, где сказано, что заговорщики собрались «у Петра у Кучкова зятя на пиру: бѣ бо имянины его» [ПСРЛ, 15: 251 (6683)].

но перекликается с рассказом Ипатьевской, где, однако, это слово выступает только в составе прямой речи. Первый раз оно звучит в ответе Андрея на слова одного из убийц, пытавшегося выдать себя за его слугу Прокопия («и рече князь: w паробъче, не Прокопыа») [ПСРЛ, 2: 586 (6683, л. 207об.)]; второй — в риторическом упреке Кузьмища Княнина убийцам князя, не позволившим внести его тело в церковь: «и рече Кузьмище: оуже тебе, г^{не}, паробъци твои тебе не знаютъ» ‘уже, господин, слуги твои тебя не признают!’ [ПСРЛ, 2: 591 (6683, л. 208об.)]. Такое употребление вызвало характерные разногласия среди исследователей. Полемизируя с точкой зрения М. Н. Тихомирова, относившего определение «паробки» ко всем убийцам князя¹⁶, И. Я. Фроянов заметил, что этот термин не приложим к боярам Якиму и Петру и что летописный рассказ «не дает абсолютно никакого повода думать, что летописец всех убийц назвал паробками» [Фроянов 1980: 94–95]. В отношении летописи это утверждение правомерно. Тем интереснее, что в надписи паробками несомненно названы все убийцы, включая и бояр. П. С. Стефанович [2019], отметив этот парадокс, предложил даже считать текст в правой колонке с упоминанием «паробков» позднейшим добавлением к списку убийц в левом столбце. Однако предполагать создание текста в два этапа нет никакой возможности: надпись выполнена одним почерком и, безусловно, была с самого начала оформлена в виде диптиха. Причину необычного словоупотребления следует, на наш взгляд, искать не в семантике социального термина, а в прагматике его употребления в контексте граффито. Основное значение слова *паробокъ* с полной определенностью вытекает из берестяных грамот, называющих таким образом молодого раба (холопа)¹⁷. В летописных текстах домонгольского времени слово представлено лишь двумя приведенными случаями. Но его использует в письме к Олегу Святославичу Владимир Мономах, называя таким образом дружинников Изяслава, подтолкнувших молодого князя на военную авантюру: «Назчиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но вному налѣзоша зло»¹⁸. Именование паробками людей явно лично свободных носит здесь, вероятно, пейоративный смысл. По-видимому, тот же негативный заряд слово имеет и в нашей надписи. Параллель к такому употреблению можно указать

¹⁶ «Всех убийц, которых летописец далее называет паробками князя, насчитывалось до двадцати» [Тихомиров 1952: 101].

¹⁷ № 831 (втор. четв. XII в.): «а съ еси полѣть оу мьне роубоу и парьбоко во сьми гривьно» ‘И вот [еще] ты забрал у меня рабыню и юношу-раба [совокупной] ценой в семь гривен’; № 1031 (втор. пол. XII в.): «пар[об]ѣкъ еси одь[r]ьнь вьдале а нынѣ са выширае на пати грвнѣ» ‘Ты дал одерень (в полную собственность) паробка, а он теперь рвется на волю за пять гривен’ (переводы А. А. Зализняка).

¹⁸ ‘Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а добыли для него зла’ [ПСРЛ, 1: 254 (6604, л. 84)].

в статье 6683 (1175) г. Лаврентьевской летописи, в речи, вложенной летописцем в уста ростовцев, называющих жителей Владимира своими холопами: «пожжемъ и (Владимир. — А. Г., С. М.), пакы ли, а посадника в немъ посади^а, то суть наши *холопы* каменщеници»¹⁹. Интересно отметить также, что в рассказе Волынской летописи о событиях 1264 г. «паробками» названы убийцы литовского князя Тройната: «Посем же поча дѣмати конюси Миндовгови, 4 паробци, како бы лѣзъ имъ оубити Трената. Уномоу же идоушоу до мовнича мѣтьса, уни же оусмотрѣвше собѣ верема, такова оубиша Тренатоу»²⁰. Поскольку и Тройнат, по всей вероятности, стал жертвой заговора элиты, а не просто покушения на него четырех слуг Миндовга, можно думать, что и здесь мы имеем дело с намеренным принижением социального статуса лиц, вовлеченных в политическое убийство²¹.

Спровоцировать пейоративное именование паробками всех убийц могло присутствие среди них лиц, формально действительно принадлежавших к разряду холопов. С большой вероятностью это можно утверждать о ключнике Амбале. По Русской Правде, «привязывание ключа», если оно осуществлялось «без ряду», превращало человека в холопа [ПрР: 260 (ст. 110)]. В «Повести временных лет» «робичичем» Рогнеда называет Владимира, рожденного ключницей Ольги Малушей. Поскольку Амбал был одним из зачинщиков заговора, уничижительное распространение его рабского звания на всех заговорщиков выглядит не лишним смыслом.

Чрезвычайно ценную новую информацию дает перечень убийц князя, намного более полный, чем его летописная версия, имеющая в Лаврентьевской летописи такой вид: «Началникъ же оубицамъ Петръ Кучковъ зать, Аньбалъ асинъ ключни^к, Ъдкымъ Кучковичъ, а всѣхъ невѣрны^х оубиць числомъ 20» [ПСРЛ, 1: 369 (6683, л. 124об.)]. Разночтения в перечне убийц сведены в Табл. 2²²:

¹⁹ 'Сожжем его или же посадника в нем посадим: они наши холопы-каменщеники' [ПСРЛ, 1: 374 (6683, л. 126об.)]

²⁰ 'Потом стали совещаться конюхи Миндовга, четверо его слуг, как бы им убить Треняту. Когда же он пошел в баню мыться, они, выждав время, убили Треняту'. Цитата приведена по Ипатьевскому списку [ПСРЛ, 2: 861 (6771, л. 286об.)]. В Хлебниковском и других списках вместо *такова* читается *тако* [КНВ: 447 (356v)].

²¹ Характеристика убийц Тройната как конюхов и паробков Миндовга заставляет вспомнить похожее соединение конюхов с холопами во фразе, которой в рассказе Новгородской первой летописи о битве на Калке татары объясняют русским князьям цель своего появления: «ни на васъ придохомъ, нъ придохомъ Богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганяя половче» [НПЛ: 62 (6732, л. 97об.)]; ср. [НПЛ: 265 (6732, л. 144об.)].

²² Разночтения даются по изданиям [ПСРЛ, 2: 586 (6683, л. 207); 41: 100 (6683, л. 524об.)]; Радзивилловская летопись, л. 214 об. (6683)] и по рукописи Московско-Академической летописи [МДА-236: 185]. Ср. также [ПСРЛ, 38: 138 (6683, л. 214об.)].

Перечень убийц Андрея Боголюбского в древнейших летописях

	1	2	3	4
Ипат.	Петръ Кучковъ зять	Анбалъ ясинъ ключникъ	Якимъ Кучковичъ	[нет]
Лавр.	Петръ Кучковъ зять	Анбалъ ясинъ ключни ^к	Якимъ Кучковичъ	
Радз.	Петръ КѸрковъ зя ^т	[пропуск, вероятно – гаплографический]		Єфрѣмъ Моизичъ
М-А	Петръ КѸцьковъ зять			Єфримъ Моизичъ
ЛПС	Петръ Кучковъ зять	Анбалъ ясинъ ключникъ	Якимъ Куцковичъ	Єфрѣмъ Моизичъ

К протографу летописного рассказа несомненно восходят имена Петра, Амбала и Якима вместе с соответствующими уточнениями (а также указание на то, что всего убийц было двадцать). Те же три имени открывают и список убийц в граффито, но с некоторыми отличиями.

Главный зачинщик – Петр, определенный в летописи как «Кучков зять», – упомянут без этого приложения, зато с отчеством – Фралович (от одного из народных вариантов имени Флор), которое было поначалу пропущено и позже дописано над строкой поверх рамки. Имя Фрора среди известных летописям бояр Северо-Восточной Руси отсутствует. Однако В. А. Кучкин обратил наше внимание на то, что в Московском Кремле издревле находилась церковь Флора и Лавра, по которой получила свое название проездная Фроловская (Флоровская) башня, в XVII в. переименованная в Спасскую. Ктиторм этого храма вполне мог быть Фрол, принадлежавший вместе с Кучком к первоначальной московской знати и женившийся своего сына Петра на дочери Кучка.

Второй в списке – Амбал/Анбал, в летописи фигурирующий с указанием этнической принадлежности («ясин») и должности («ключник»), в переславской надписи назван только по имени. Написание его через *м* отличает граффито от летописных версий списка, но находит соответствие в продолжении рассказа в Ипатьевской, Радзивилловской и Московско-Академической летописях (в двух последних его имя пропущено в списке из-за гаплографии)²³. Имя *Анбалъ/Анбалъ* имеет аланское происхождение, и варьирование форм с *м* и *н* в корне отмечается уже в эпитафиях аланоязычных буртасов XIV в. [Добродомов 1993]. Опираясь на этот источник, И. Г. Добродомов связывает заговорщика

²³ См. [ПСРЛ, 2: 586 (6683, л. 207об.), 590 (6683, л. 208об.); 38: 138 (6683, л. 214об.); Радзивилловская летопись, л. 214об. (6683)], [МДА-236: 185].

Амбала не с кавказскими аланами (ясами, предками современных осетин), что обычно предполагалось, а с буртасами, жившими на территории Волжской Булгарии, откуда, согласно свидетельству Тверского сборника [ПСРЛ, 15: 250–251 (6683)], была родом также замешанная в заговоре вторая жена Андрея Боголюбского.

Отчество третьего из убийц, Якима, — *Куцковичь* — записано через *ц*, что весьма примечательно: точно так же оно пишется и в Летописце Переяславля Суздальского, с чем корреспондируют написания *Куцьковъ*, *Куцькова* в Московско-Академической летописи. Поскольку все эти три памятника, как и Лаврентьевская летопись, созданы вне ареала распространения цоканья, *Куцко* и *Кучко* могут соотноситься лишь как два варианта имени, бытовавшие в Северо-Восточной Руси. Эта вариативность не ускользнула от внимания В. О. Ключевского, упоминающего предполагаемого основателя Москвы как «Степана Куцка или Кучка» [Ключевский 1987: 6]. Но если второй вариант тривиален, то первый требует объяснения. Перспективной выглядит в этой связи гипотеза С. З. Чернова [2017], который, основываясь на анализе сфрагистического комплекса городка Шерны (Могутовское городище к северо-востоку от Москвы), содержащего целый ряд печатей новгородских князей первой половины XII в., предположил, что и Кучков (т. е. Москва) первоначально находился в сфере политического влияния Новгорода и отошел суздальским князьям лишь в середине XII в. Этот переход С. З. Чернов связывает с происхождением первой жены Андрея Боголюбского из клана Кучковичей. Хотя последнее прямо свидетельствуется лишь поздними московскими источниками, предполагаемый механизм перехода территории будущего московского княжества под юрисдикцию Суздаля выглядит правдоподобным²⁴. Если Куцко действительно был по происхождению новгородцем, то его имя вполне могло быть известно в Северо-Восточной Руси в свойственном его носителю цокающем произношении²⁵.

Четвертое имя в списке — [O](θ)рѣмъ (*Мои*)зичь, отсутствующее в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, имеется между тем в Радзивилловской и Московско-Академической летописях и в Летописце

²⁴ Подробнее о поздних сведениях о браке Андрея и Кучковны см. [Шамбинаго 1936; Тихомиров 1950].

²⁵ Заметим, что с новгородским происхождением Куцка хорошо согласуется и предполагаемое В. Н. Топоровым [1972: 275] балтийское происхождение имени, находящего соответствие (*Kutcze*) в прусском антропонимиконе. В Новгороде в таком случае Куцка следует выводить с Прусской улицы, название которой, если исходить из предположения В. И. Кулакова [1993: 46], связано с поселением на ней в XII в. перебравшихся в Новгород членов распадающейся прусской дружины. Нельзя в связи с этим не упомянуть, что берестяная грамота № 723 (2 пол. XII в.) с упоминанием поездки в Кучков [НГБ, X: 22] была найдена на Михайло-Архангельском раскопе, в непосредственной близости от древней Прусской улицы.

Переяславля Суздальского. Поскольку независимая утрата этого имени в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях маловероятна, его следует рассматривать как вставку в общем протографе остальных памятников — владимирском летописном своде 1206 г., сделанную на основе традиции, отразившейся в переславской надписи. Расхожее представление о еврейском происхождении отчества Ефрема *Моизичь* не соответствует действительности — как установил В. С. Кулешов (которому мы чрезвычайно признательны за это сообщение), оно восходит к арабскому (мусульманскому) имени مُعِزْ (*Muʿizz*, *Muʿizz*, фонетически в паузальной форме [moʕiz:], 'прославленный, благородный'), которое могло принадлежать, например, выходцу из Волжской Булгарии. В связи со сказанным выше об Амбале болгарское происхождение отца Ефрема Моизича кажется особенно вероятным.

Часть списка, не находящую соответствия в летописи, открывает Добрыня Микитич — полный тезка эпического богатыря²⁶. Случайно ли это совпадение? Хрестоматийный взгляд, согласно которому прототипом былинного Добрыни Никитича явился дядя и воевода Владимира Святославича, упоминаемый в «Повести временных лет», не исчерпывает вопроса об исторических основаниях этого образа. Реальной почвой, из которой вырастают центральные фигуры былин киевского цикла, есть больше оснований считать аристократическую культуру Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. Сведения о происхождении богатырей, сообщаемые самими былинами, неслучайно ведут именно на Северо-Восток. Прозвище Ильи Муромца говорит в этом отношении само за себя²⁷; Добрыню Никитича былины о нем называют рязанцем, а Алёшу Поповича выводят из Ростова [Добрыня и Алеша: 28, 184]. Для последнего летописная традиция XV в., как известно, нашла (или, скорее, создала) прототип в виде ростовского боярина Александра Поповича, служившего старшему сыну Всеволода Большое Гнездо Константину и погибшего в битве на Калке в 1223 г. В случае же с Добрыней Никитичем персонаж с подходящими данными обнаруживается не выходя за пределы владимирского летописания XII в. Мы имеем в виду ростовского боярина Добрыню Долгого, игравшего видную роль в событиях, развернувшихся в Северо-Восточной Руси после убийства Андрея Боголюбского. Он был одним из главных сторонников и советников Мстислава Ростиславича в борьбе за великокняжеский стол и погиб в битве под Юрьевом 27 июня 1176 г., принесшей окончательную победу Всеволоду [ПСРЛ, 1: 381–382 (6685, л. 129)].

²⁶ Несмотря на повреждение части букв, имя *Добрыня* восстанавливается достаточно надежно и без видимых альтернатив.

²⁷ Ср. [Лопухина, Флоря 2009].

В 1852 г. в кургане Селище, на лугу у села Кинобола под Юрьевом, на месте двух Липицких битв (1176 и 1216 гг.), А. С. Уваров обнаружил общую могилу с останками 26 человек и три отдельных гроба. Погребенные в них три человека лежали лицом на восток, со сложенными на груди руками — т. е. по всем правилам христианского погребения. «У них на головах попадались остатки золотого позумента, вероятно от обшивки боярских шапок или мурмолок; у шеи найдены золоченые пуговицы [всего пять], которые, вероятно, по две были пришиты к вороту сорочки, и сверх того при одном из этих трех остовов сохранился небольшой кусочек кожи от сапога или пояса», — писал А. С. Уваров [1870: 4] и делал вывод, что в трех гробах похоронены Добрыня Долгий и двое погибших с ним ростовских бояр — Иванко Степанович и Матфей Шибутович [Ibid: 4–5]²⁸.

Выдающийся рост, судя по прозвищу, отличавший Добрыню, гибель в одном из крупнейших сражений своего времени, почести, по всей видимости, оказанные ему при погребении победившим противником, — все это вполне могло содействовать образованию вокруг его имени посмертного эпического ореола²⁹. Возможность отождествить Добрыню Долгого с Добрыней Микитичем переславской надписи выглядит на этом фоне привлекательной. На пути этого отождествления встает, казалось бы, принадлежность Добрыни Долгого к ростовскому боярству³⁰ — обычно считается, что заговор против Андрея Юрьевича был составлен ближайшим окружением князя в Боголюбове. Однако мнение о возможной причастности к заговору представителей ростово-суздальской аристократии также высказывалось в литературе [Лимонов 1987: 86–87]. С другой стороны, в разгар политической борьбы, в ходе которой, как мы полагаем (о чем см. ниже), и была сделана надпись, в убийцы могли записать и тех, кто позже действовал с ними заодно, даже если эти лица в действительности и не участвовали в заговоре (такую возможность справедливо отмечает Л. Б. Сукина [2018: 54]).

Имя, начинавшееся на [O]ур-, и следующее за ним пока прочтению не поддаются. Не исключено, однако, что первое принадлежало еще одному выходцу с Востока, находившемуся в числе заговорщиков вместе с «ясином» Амбалом и Ефремом Моизичем. Последовательность

²⁸ Ср. [Кузьмин 2014: 199, прим. 6]. К отчеству *Шибутовичь* ср. топоним *Шиботово* (дер. в Петушинском районе Владимирской обл.).

²⁹ Заметим, что в словаре И. И. Срезневского среди значений прилагательного *дългыи* указано и 'высокий, великан', иллюстрируемое примером из «Пандектов» Никона Черногорца: «видѣ дълга некого высока и страшна, скръжеташе зуубы дългыи ѿнь» [Срезневский, 1: 757].

³⁰ Согласно предположению А. В. Кузьмина [2014: 199], сыном Добрыни Долгого был ростовский воевода Воислав Добрынич, упоминаемый в 1220 г.

[O]ур-[мъ] можно трактовать как соответствующую имени *Урумъ*, засвидетельствованному с XIII в. у целого ряда тюркских народов (огузов, туркмен, казахов, киргизов) и означающему 'удар, борьба' [Rásonyi & Baski 2007: 822].

Остальные имена прочитываются уверенно. Примечательно, что если в начале списка все, кроме Амбала, названы с отчествами, то во второй его части с отчеством упомянут только Петр Иванкович (возможно, для противопоставления Петру Фраловичу), в то время как остальные названы только по именам, причем последние четверо — уменьшительными формами: Фролец, Мирошка, Петрко, Стырята³¹. Видеть в этом свидетельство социальной неоднородности заговорщиков необязательно — в домонгольское время использование уменьшительной формы имени еще не является индикатором низкого статуса человека. Нельзя исключать, что отмеченное различие может отражать противопоставление центральных фигур заговора и его периферийных участников. Показательно в этом смысле присутствие в списке Микиты и Фрольца, чьи имена перекликаются с отчествами Петра Фраловича и Добрыни Микитича. Это двойное совпадение, возможно, объясняется тем, что на обеде, ставшем прикрытием для собрания заговорщиков, вместе с главными зачинщиками убийства были их близкие родственники, в том числе и сыновья, по традиции нареченные в честь своих дедов³².

Исключительный интерес представляет завершающее список имя *Стырята*. Это гипокористика на *-ята* от имени с корнем *стыр-*, который в русском литературном языке выступает лишь в прилагательном *настырный*, а в диалектах образует целое словообразовательное гнездо. См. слова на *стыр-* в [СРНГ, 42: 115–119], особ. *сты́рить* (одно из значений — 'ссориться'), *сты́рчий* 'склонный к ссорам, ругани, сварливый (обычно о женщине)' и др. Использование этого корня в антропонимике засвидетельствовано старопольским именем *Styr* и его производными [SSNO, V: 242], а на восточнославянской почве — топонимом *Стырово* (деревня в Спиловском районе Тверской области) и фамилиями *Стыров*, *Стырков*. В памятниках древне- и старорусской письменности имена с корнем *стыр-* до находки переславского граффито не фиксировались. Тем более замечательно, что в 2017 г. имя *Стырята*

³¹ С употреблением гипокористических форм имен как будто корреспондирует переход автора надписи на бытовую орфографию. Такую же корреляцию можно видеть и в отдельно читаемом справа от основной надписи *Пѣтръ*, если, как уже говорилось выше, трактовать это слово как недописанное *Пѣтрѣць* <Петрещь>. Похоже, что автор граффито начал его заново именно потому, что остался недоволен таким началом.

³² Мы искренне признательны Ф. Б. Успенскому, которому принадлежит это остроумное предположение.

встретилось в комплексе надписей-граффити на фрагментах фресковой штукатурки, найденных экспедицией Вл. В. Седова при раскопках руин церкви Благовещения на Городище под Новгородом. В этом эпиграфическом комплексе имя представлено четырежды: 1) в кириллической приписке *(С)тѣр(а)та ѱлѣ* ‘Стырята писал’ к большой глаголической надписи молитвенного содержания; 2) в глаголическом автографе **ꙶ(ꙶ)ꙶꙶ[ꙶꙶ] ꙶꙶ** (т. е. *C(m)[ꙶi](ꙶꙶ)[ꙶꙶ] ꙶꙶ*) с кириллической лигатурой в конце; 3) в сделанной другим почерком насмешливой надписи **ꙶꙶꙶ[ꙶꙶ]ꙶꙶ | ꙶ[ꙶꙶ]ꙶ** (*Стѣр[ꙶ]та | б[ꙶꙶ]а*) ‘Стырята — баба!'; 4) в кириллической приписке *а с[е] Стр[ꙶ]та бѣло вѣложи[ꙶ](...)* ‘а это начал писать [но не дописал] Стырята’ к глаголической азбуке Стыряты [Гиппиус, Михеев 2019: 50, № 30–33]. Все эти надписи происходят из жертвенника Благовещенской церкви. Употребление Стырятой глаголицы позволяет относить сделанные им и упоминающие его записи к первой половине XII в. Правее большой глаголической надписи Стыряты, на том же уровне (на 25 см выше остальных надписей в этом компарimente) находилась уже упомянутая надпись о смерти князя Всеволода Мстиславича в феврале 1138 г.

Появление одного и того же чрезвычайно редкого антропонима на стенах двух княжеских храмов XII в., — при отсутствии других его фиксаций — заставляет задуматься над вопросом, не принадлежит ли это имя одному человеку. Мог ли новгородский клирик, подвизавшийся в первой половине XII в. в княжеской церкви на Городище, оказаться в 1174 г. в числе заговорщиков в Боголюбове? Как ни странно, возможность прописать означенную биографическую траекторию имеется. Ее открывает тот факт, что Всеволод Мстиславич после изгнания его новгородцами в 1136 г. в течение года находился на княжении в Вышгороде, откуда затем ушел княжить во Псков. Как известно, именно из Вышгорода отправился в 1155 г. во Владимир-на-Клязьме Андрей Юрьевич. Допустимо представить себе следующий ход событий. Стырята, бывший при Всеволоде молодым клириком княжеской церкви на Городище, вместе с князем ушел в 1136 г. из Новгорода и оказался в Вышгороде, где остался и после того, как его патрон ушел на княжение во Псков. В бытность Андрея Юрьевича вышгородским князем Стырята сблизился с ним и ушел с Андреем во Владимир в 1155 г. Причастность Стыряты к заговору в 1174 г. может в таком случае объясняться тем, что он, как и Кучковичи, был родом из Новгорода.

Возможность отождествления двух Стырят представляет еще и историко-литературный интерес. Дело в том, что текст глаголической молитвы Стыряты имеет пересечение с молитвой, завершающей в Лаврентьевской летописи подборку сочинений Владимира Мономаха [Гиппиус,

Михеев 2019: 50–51]. Это совпадение может объясняться знакомством Стыряты с молитвой Мономаха. Но его также возможно объяснить и исходя из выдвинутой ранее гипотезы [Гиппиус 2006], трактующей заключительную часть молитвы как добавление к первоначальному тексту, сделанное во Владимире при Андрее Боголюбском. Редактура могла быть осуществлена кем-то из духовных лиц, приближенных к Андрею Юрьевичу, и Стырята с его предполагаемым новгородским происхождением вполне подходит на эту роль. Наконец, нельзя не обратить внимания на имена двух клириков, которых Андрей Юрьевич взял с собой из Вышгорода во Владимир: согласно статье «А се князи русьстии», входящей в подборку материалов, предваряющих текст Новгородской первой летописи младшего извода в Комиссионном списке, это были священник Микула и его зять дьякон Нестор [НПЛ: 467 (л. 10)]; оба упоминаются также в Сказании о чудесах Владимирской иконы Богородицы, где Нестор фигурирует уже как поп Успенского собора [БЛДР, 4: 220]. Имя *Несторъ / Нестеръ* созвучно прозвищу *Стырята* (ср. также уже упомянутое прилагательное *настырный* и, особенно, диал. *настырь* ‘назло’ [СРНГ, 20: 203]); положение же Нестора как зятя Микулы подсказывает, каким образом новгородский клирик из окружения Всеволода мог осесть в Вышгороде. Подтвердить это построение дополнительными аргументами не представляется возможным. Однако обращает на себя внимание уже отмечавшееся исследователями безразличие, проявленное клиром владимирского собора к участи его ктитора в дни, последовавшие за убийством Андрея. Характерны слова, вложенные в Ипатьевской летописи в уста боголюбовского игумена Арсения, решившегося наконец отпеть пролежавшие в церкви два дня останки князя: «и долго намъ зрѣвшимъ на старѣишиѣ игумени и долго сему князю лежати?» [ПСРЛ, 2: 591 (6683, л. 208об.)]. Под «старейшими игуменами» имеется в виду владимирское духовенство, лишь спустя еще несколько дней и только по настоянию владимирцев организовавшее перенесение тела в город. «Все это заставляет предположить, — заключает, комментируя эти известия, Ю. А. Лимонов, — что крупное владимирское духовенство отнюдь не было дружественно настроено по отношению к Андрею. Если оно и не участвовало непосредственно в заговоре против князя, то, видимо, вполне сочувствовало той феодальной смуте, той “злобе”, которая была направлена против княжеской власти» [Лимонов 1967: 82; Idem 1987: 88].

Общее число названных в списке не поддается однозначному определению. Неясно, во-первых, является ли нечитаемое слово в середине пятой строки самостоятельным именем или же отчеством человека, чье имя начиналось на *Ур-*. Во-вторых, существует некоторая вероятность

того, что *Петръко Стырята* — имя и прозвище одного лица³³. В зависимости от разрешения этих альтернатив, число «убийц» оказывается равным 11, 12 или 13. В любом случае оно существенно меньше двадцати — числа, указанного в летописи. Это несоответствие проще всего объяснить исходя из того, что в надписи были перечислены двенадцать человек — *два на десять* могли быть ошибочно переданы как *два десяти*.

Приведем теперь текст надписи в упрощенной графике, с современной пунктуацией и с переводом.

Петръ (Фралъвичь), Амбалъ, Якы[мъ] Куцковичь, Офрѣмъ [Мои]зичь, Добры[н]а М[и]китичь, Ур..., Микита, Петр[ъ] Иванковичь, Фрольць, Миръшка, Пьтръко, Стырята — си суть убици великаго князя Анъдрѣя. Да будутъ прокляти и въ с...

Мѣсяця июня 29 убиень бысть князь Анъдрѣи своими паробкы. Овому вѣчная память, а симъ вѣчная мука. Ачь кто в помы[шлен]...

‘Петр (Фралович), Амбал, Яким Кучкович, Офрем Моизич, Добрына Микитич, Ур..., Микита, Петр Иванкович, Фролец, Мирошка, Петрко, Стырята (или: Петрко Стырята) — это убийцы великого князя Андрея. Да будут прокляты и в ...

Князь Андрей был убит 29 июня своими слугами. Ему — вечная память, а им — вечная мука. Если кто ...’

Не может быть сомнений в том, что надпись была сделана по прошествии какого-то относительно небольшого времени после убийства Андрея Юрьевича. Но когда именно? И почему запись об убийстве, совершенном в Боголюбове, находится на стене собора в Переславле-Залесском? Прежде чем мы попытаемся ответить на эти вопросы, напомним, что сообщают источники о роли Переяславля в междоусобной войне в Северо-Восточной Руси, вызванной убийством Андрея Боголюбского, и о дальнейшей судьбе убийц князя.

Ход усобицы определяло, как известно, противостояние младших братьев Андрея Юрьевича Михалка и Всеволода и его племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей. В этом столкновении переяславцы заняли поначалу сторону Ростиславичей. В 1175 г. они приняли к себе Ярополка и вместе с ростовцами и суздальцами ходили изгонять из Владимира занявшего его Михалка. Работавший в начале XIII в. составитель Летописца Переяславля Суздальского, оправдывая своих сограждан, подчеркивал, что они участвовали в осаде «принужениемъ ростовскимъ», а в действительности были за Михалка и Всеволода, имея

³³ Такая трактовка, естественно, несовместима с предположением о тождестве Стыряты и Нестора, однако вероятность ее незначительна: для индивидуализации третьего Петра достаточно и того, что он, в отличие от двух первых, назван гипокористической формой имени.

«едино сердце» с владимирцами [ПСРЛ, 41: 102–103 (6683, л. 525об.–526)]. Как бы то ни было, во второй фазе конфликта переяславцы были уже на другой стороне. Когда вернувшийся из Чернигова Михалко 15 июня 1175 г. занял Владимир, он посадил в Переяславле Всеволода. Когда же, после смерти Михалка 20 июня 1176 г., Всеволод сам стал владимирским князем, переяславцы оказали ему поддержку в решающем столкновении с Ростиславичами, закончившемся разгромом последних в битве на Юрьевском поле.

О судьбе убийц Андрея Боголюбского ранние летописи ничего не сообщают. Со страниц Ипатьевской летописи они исчезают в момент своего триумфа, хозяевами положения, занимая княжеский дворец в Боголюбове. Перед этим убийцы собирают войско, чтобы иметь возможность отразить нападение владимирской дружины. Послав к владимирцам, они ведут разговор с позиций силы, угрожая, если те выступят против них, расправиться с ними при помощи своих тайных союзников: «ти (в *Хлебн. списке*: ци) что помышляете на насъ, а хочем сѧ с вами коньчати: не насъ бо ѡдинѣхъ дума, но и ѡ васъ суть же в тои же думѣ» [ПСРЛ, 2: 589–590 (6683, л. 208)]³⁴. Ощущая за собой негласную поддержку едва ли не большей части владими́ро-суздальской элиты, которую Андрей Юрьевич успел настроить против себя авторитарными методами правления, убийцы князя вряд ли могли оставаться в стороне и от дальнейшего хода событий. По предположению А. Ю. Карпова [2020: 354–355], они, скорее всего, участвовали в собравшемся во Владимире вече, на котором представителями основных городов Суздальской земли было принято решение пригласить на княжение Мстислава и Ярополка.

Политической логике ситуации, казалось бы, отвечают сообщаемые источниками XV–XVI вв. сведения об отмщении убийцам, совершенном Михалком и Всеволодом. Самым ранним из этих источников является уже упоминавшаяся выше статья «А се князи русьстии». Здесь читаем: «И въ перьвое лѣто мстиль обиду братъ его Михалко. Того же лѣта и умре. На третии год приде изъ заморья из Селуня братъ его Всеволодъ, наречены въ крещении Дмитрии, Юрьевичъ, и сѣде на великое кнѣжение, и мсти обиду брата своего Андрѣву: Кучковичи поималъ, и в коробы саждая, в озерѣ истопилъ» [НПЛ: 468 (л. 11)]. В памятниках XVI в. известие о казни Кучковичей дополняется указанием на то, что вместе с ними была казнена и замешанная в заговоре жена Андрея. Весь этот комплекс сведений, постепенно разрастающийся в позднесредневековой русской книжности (см. его анализ в новейших работах [Кузнецов 2012; Flier 2014]) носит явно легендарный характер, компенсируя

³⁴ По-видимому, фразу следует читать, восстанавливая пропущенное и: «но и о васъ суть иже в тои же думѣ» ‘но и среди вас есть те, что участвуют в замысле’.

умолчание о судьбе убийц летописцев XII в. Само же это умолчание по-своему красноречиво. Описывая гибель Андрея от рук убийц как кончину страстотерпца, обе версии летописного рассказа представляют Всеволода Юрьевича полноправным преемником и продолжателем дела брата, но отнюдь не мстителем за его кровь. Это разительно отличает повествование об усобице 1174–1177 гг. от описания в «Повести временных лет» усобицы сыновей Владимира Святославича, лейтмотивом которого выступает мщение Ярослава за кровь Бориса и Глеба. Если бы отмщение Михалка и Всеволода за убитого брата имело место, официальный владимирский летописец Всеволода Большое Гнездо вряд ли умолчал бы об этом.

Пытаясь вписать переславское граффито в очерченный исторический контекст, естественно исходить из того, что проклятие убийц Андрея Боголюбского было актом не только церковным (к чему мы еще вернемся), но и политическим, санкционированным княжеской властью. Стороной, чьи интересы защищал этот акт, нужно, с учетом сказанного, признать Михалка и Всеволода Юрьевичей. Теоретически, проклятие убийцам могло быть провозглашено как в ходе усобицы, так и после ее завершения. В первом случае перед нами пропагандистский ход в борьбе за великокняжеский стол, во втором — декларация, подводящая черту под межусобной войной, в которую убийство владимирского самодержца ввергло Северо-Восточную Русь. Ясность в этот вопрос могла бы внести фраза «да будутъ прокляти и в(ь сь вѣкъ и въ будущи)», предполагающая (если мы верно реконструируем ее завершение), что проклятие должно настигнуть убийц еще при жизни. Если бы сообщения о казни убийц Всеволодом Юрьевичем после его утверждения во Владимире заслуживали доверия, такая формулировка позволяла бы решительно предпочесть первую из указанных возможностей. Но и не располагая таким *terminus ante quem*, ей стоит, на наш взгляд, отдать предпочтение. Для Михалка и Всеволода Юрьевичей, не выступавших, как уже было сказано, мстителями за кровь брата, проклятие его убийц могло быть мотивировано в первую очередь противостоянием с Ростиславичами, в стане которых могли находиться и «Кучковичи» с их сообщниками. Надпись, несомненно, имела острое политическое звучание. Об этом говорит хотя бы упоминание тех, кто, находясь «в помышлении», сочувствовал заговорщикам — можно думать, что эти слова имели в виду тот же круг лиц, что и уже процитированная фраза из обращения убийц князя к владимирцам: «не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть (и)же в тои же думѣ».

В хронологических рамках усобицы 1174–1177 гг. самым вероятным временем появления граффито представляется год (с июня 1175 г.

по июнь 1176 г.), в течение которого Всеволод Юрьевич княжил в Переяславле. Память о боголюбовском убийстве была в это время свежа, а борьба с Ростиславичами — в самом разгаре. Посаждение младшего брата в Переяславле стало последним из актов «наряжения» городов Суздальской земли, которые Михалко Юрьевич предпринял после того, как в воскресенье 15 июня 1175 г. занял Владимир. Лаврентьевская летопись сообщает об этом так:

Потом же прислашася к Михалкови князю суждалци, рекуще: «мы, княже, на полку томъ со Мстиславо^м не бѣли, но бѣли с ни^м боларе, а на на^с лиха срѣца не держи, но поѣди к на^м!» Михалко же ѣха в Суждаль (*в Радз. и М-А добавлено: с брато^м Всеволо^мдо^м*) и и-Суждала Ростову, и створи люде^м весь нарадъ, оутвердивъса крѣтнѣмъ цѣлованьѣ^м с ними и чѣть возма оу ни^м и дары многы у ростовець, и посади брата своего Всеволода в Переяславли, а са^м възвратиса Володимерю [ПСРЛ, 1: 378–379 (6684, л. 128)].

Обратим внимание на даты: триумфальный въезд во Владимир Михалка и Всеволода произошел за две недели до Петрова дня, который в 1175 г. также был воскресным. Объезд городов в указанном летописью порядке: Владимир — Суздаль — Ростов — Переяславль — вполне мог уложиться в эти две недели, так что первую годовщину убийства Андрея Юрьевича Всеволод мог встретить уже переяславским князем. Или же — и эта возможность выглядит особенно привлекательной — к этому дню могла быть приурочена интронизация Всеволода в Переяславле. Хотя возведение на княжеский стол в воскресенье не было для домонгольской Руси правилом, в половине известных случаев для него выбирался именно этот день [Гвозденко 2009: 30]. Предполагается, что во второй половине XII в. церемония интронизации включала уже и церковную часть [Ibid.: 30–33]. Местом ее проведения в Переяславле мог быть только Спасо-Преображенский собор, заложенный Юрием Долгоруким и достроенный Андреем Боголюбским. В годовщину убийства Андрея Юрьевича эта церемония не могла не быть совмещена с поминовением убитого. Трудно представить себе более подходящую обстановку для провозглашения проклятия убийцам князя и вечной памяти ему самому.

Целый ряд вопросов, обреченных, впрочем остаться без однозначного ответа, вызывает церковно-правовой и литургический статус проклятия. Высказанное в предварительной публикации предположение, что граффито «[...] может быть копией официального извещения, разосланного по городам епархии и начертанного на стенах ее белокаменных храмов» [Гиппиус, Михеев 2017: 32], — не более чем догадка. Соединение проклятия (анафемы) и вечной памяти сближает надпись с Синодиком в Неделю православия. С другой стороны, оформление граффито в два столбца, обведенных рамкой, придает ему сходство с книжным разворо-

том и диптихом — тем более значительное, что голгофский крест над рамкой был, скорее всего, пририсован позже. Ввиду этого было предложено видеть в граффито «[...] копи[ю] диптиха с церковным анафематствованием» [Виноградов, Желтов 2019: 43]. Связь надписи с восточнохристианской традицией литургических поминальных диптихов предполагает и Л. Б. Сукина, допуская даже возможность непосредственного знакомства с практикой возглашения диптихов «заказчика» надписи — Всеволода Большое Гнездо. С другой стороны, исследовательница допускает, что текст мог быть скопирован «[...] с кодекса соборного помянника, куда была внесена надпись о поминании князя и анафематствовании его убийц для чтения ее на проскомидии» [Сукина 2018: 52].

Рассматривая данный вопрос, следует в первую очередь различать диптихи двух типов — *диптих*₁ как идущий от античности способ оформления письменного текста и литургический *диптих*₂ как список имен для поминания за богослужением. В интересующую нас эпоху поминальные диптихи давно утратили форму складней, на внутренних страницах которых записывались имена поминаемых живых и умерших, так что внешнее сходство граффито с *диптихом*₁ не дает никаких оснований предполагать влияние со стороны *диптихов*₂. Что же касается анафемы, то связь с нею поминальных диптихов заключалась лишь в том, что имена анафематствованных могли исключаться из них, но никак не вписываться (представление Л. Б. Сукиной о том, что анафемы читались за проскомидией, является недоразумением). Иное дело — Синодик в Неделю православия, в котором возглашения вечной памяти действительно чередуются с анафемами. Однако Вселенский синодик никогда в виде диптихов не оформлялся. С другой стороны, памяти и анафематствования в его составе всегда формулируются как отдельные возглашения, никогда не объединяясь в рамках одной фразы, — в отличие от правого столбца нашей надписи, где такое объединение имеет место: «овомъ вѣч[н]аа памат[ь], а симъ вѣчнаа м[8]к[а]». И если текст левого столбца в его сохранившейся части вполне можно представить себе в качестве возглашаемой анафемы, то второй столбец выглядит скорее как комментарий, в котором слова «вѣчнаа паматъ» занимают не обычное для синодика финальное положение, но включены в состав антитетической конструкции, восходящей к (Мф 25: 46): «И идутъ сии въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный». Как литургическая формула возглашение вечной памяти князю в тексте граффито отсутствует.

Нет нужды представлять, как могло бы выглядеть это возглашение, поскольку оно сохранилось в составе знаменитой «Троицкой книги» — синодика Успенского собора Московского Кремля, восходящего в своей основе к синодику Успенского собора во Владимире. Здесь читаем: «Ве-

ликому князю Андрею Юрьевичу Володимирскому и Боголюбскому умершему нужною смертию от своих домочад, вечная память» [ДРВ, VIII: 28]. Запись находится в окружении аналогично оформленных памятей других киевских и владимирских князей, одинаково названных «великими», и могла попасть на страницы синодика вне тех исторических обстоятельств, в которых появилось переславское граффито. Определение убийц как «домочад» князя, т. е. его домашних слуг³⁵, хотя и стоит ближе всего к именованию их «паробками» в граффито, вполне может представлять собой результат независимого осмысления летописных данных.

Анафемы убийцам в синодике нет, и это неудивительно. Предание анафеме не за ересь, а за преступление против государства — случай для русского средневековья исключительный. Проследивший историю этого явления К. Т. Никольский отмечал, что до начала XVII в. такая анафема применялась исключительно в виде угрозы лицам, противящимся княжеской или царской власти (отметим, что приводимые им примеры содержат формулировку проклятия «в сий век и в будущий», которая, скорее всего, имелась и в нашей надписи) [Никольский 1879: 241–242]. В XVII и XVIII вв. анафеме были подвергнуты Григорий Отрепьев, Тимофей Анкудинов, Степан Разин, Иван Мазепа и Емельян Пугачев; их пространные анафематствования были включены в Чин православия и продержались в нем в составе синодиков до XIX в. Эти примеры включают случаи как посмертного, так и прижизненного анафематствования, последнему был подвергнут Степан Разин, анафема которому была провозглашена в разгар борьбы с бунтовщиками³⁶ [Ibid.: 237–252].

«Нельзя сомневаться, — писал Ф. И. Успенский [1891: 244], — что русская церковь, предавая анафеме на ряду с еретиками бунтовщиков и самозванцев, вообще противников существующего государственного порядка, имела для себя основание в практике византийской церкви. Что в Византии подвергались церковному отлучению политические преступники, это подтверждается неоднократными свидетельствами». Круг таких свидетельств, впрочем, крайне ограничен и для XI–XII вв. сводится к трем случаям. Первый имел место в 1026 г., когда Константин VIII при содействии патриарха Алексея Студита и синода издал

³⁵ Отметим, что в исторических словарях русского языка слово отсутствует. С этим обозначением явно связано (а возможно, восходит к нему) формулировка Степенной книги: «диаволь [...] въздвиже на него брань отъ своихъ домочадныхъ ему» [Степенная книга, I: 471 (ст. VI, гл. 12, л. 277об.); ср. [ПСРЛ, 21/1: 239 (ст. VI, гл. 12, 406об.)].

³⁶ Заметим, что вместе с Разиным анафеме были преданы двенадцать его сообщников. Максимально возможное число убийц, названных в надписи, как мы помним, — 13; при этом в летописи Петр Кучков зять (Петр Фралович граффито) определен как «начальник убийцам». Не исключено, таким образом, что список убийц, подвергнутых анафеме, был специально подогнан под стереотип дюжины.

новеллу в форме томоса, предающего анафеме организаторов и участников мятежа [RKOR 1025–1204: 1, № 823; RAC 715–1206: 338–339, № 830]. Два других акта связаны с именем Мануила Комнина и характерным образом приходятся на первую половину 1170-х гг. В 1171 г., после рождения у него сына Алексея, император отдал распоряжение привести к присяге на верность ему и наследнику всех жителей Константинополя. Одновременно с этим патриарх Михаил Анхиал издал томос, в котором сам принес такую присягу и обязал присягнуть все столичное духовенство, объявив тех, кто будет злоумышлять против наследника, недостойными имени христианина. Авторами XIV в. этот томос упоминается как объявлявший врагам императора анафему [RAC 715–1206: 547–548, № 1120; Павлов 1895: 388–390]. Наконец, между 1173 и 1176 гг., по свидетельству Иоанна Киннама, анафеме был предан двоюродный брат Мануила, авантюрист Андроник Комнин, — за набеги на византийские пределы из Восточной Анатолии, которую Киннам называет Персией [Io. Cinnamus: 251 (VI, 1); Византийские историки: 278].

Как видим, объявление анафемы убийцам Андрея Боголюбского было вполне в духе церковной политики Мануила Комнина, с оглядкой на которую действовал и сам Андрей Юрьевич и о которой должен был иметь представление Всеволод Юрьевич с его византийским опытом и связями. Византийские параллели способны объяснить и дальнейшую судьбу этого акта: ни одна из них не отразилась в дошедших до нас редакциях греческого Синодика. Вероятное объяснение этому Ф. И. Успенский видел в том, что статьи политического характера «[...] вносились в него и потом устранялись по миновании надобности» [Успенский 1891: 245]. «Можно [...] думать, — отмечал он, — что церковная власть неоднократно пересматривала Синодик, исключая или изменяя статьи, имевшие характер временной меры» [Ibid.: 244]. Основанием для исключения «политических» анафем из Синодика могли стать и сомнения в их каноничности или даже прямое отрицание таковой — вопрос о допустимости отлучения от церкви политических преступников был в византийском обществе предметом острых дискуссий [Fögen 1995]³⁷. «Минованием надобности» или позднейшей канонической «цензурой» может объясняться и отсутствие анафемы убийцам Андрея Боголюбского в русском Синодике, пополнение которого на

³⁷ Анафемы покушающимся на жизнь монарха, а также пособникам разбойников и убийц читаются в болгарском Синодике царя Борила начала XIII в., в том его разделе, которая содержит статьи, отсутствующие в греческом оригинале: «Иже каковѣмъ либо оухъщреніемъ или былѣемъ или чародѣаніемъ или обааніемъ или влѣхваніи вражіими или ѡтравож покоуситса врѣдити црѣ помазаника Гѣѣ — такового анаѣема. [...] Вѣсѣхъ иже татемъ и оубійцамъ и разбѡйникѡмъ и прѡчїимъ такѡвїимъ посѡбствѡующихъ ана⁹» [Борилов синодик: 147–148].

раннем этапе его истории сопровождалось, как показал В. В. Дергачев [2001: 21–22], изъятием ряда статей.

С другой стороны, анафема убийцам князя как экстраординарная и сомнительная с канонической точки зрения мера, вызванная политической необходимостью, могла и не предназначаться для включения в Чин православия. Таким образом объяснял отсутствие «политических» анафем во Вселенском синодике К. Т. Никольский: «[...] анафематствования против бунтовщиков и изменников, по всей вероятности, у Греков не вносились в Чин Православия» [Никольский 1879: 238–239]. Все приводимые им из истории русской церкви примеры таких анафем относятся уже к синодальному периоду. Порядок их объявления, устного и письменного — посредством листов, прикреплявшихся на церковных дверях, был прописан в «Духовном регламенте» 1721 г. В соответствии с ним в царствование Екатерины I была объявлена анафема лицам, сопротивлявшимся петровскому указу о престолонаследии, — акт, по существу, аналогичный томосу Мануила Комнина 1171 г.

Хотя эти поздние параллели могут представлять для нашей темы лишь косвенный интерес, одна из них заслуживает особого внимания. Имеем в виду анафематствование убийц архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), ставшего жертвой «чумного бунта» 1771 г. (об этих событиях см. [Alexander 2003: 186–195]). В указе Синода от 28 сентября 1771 г. предписывалось, среди прочего:

«5-е) [при погребении п]о последнем в церкви возгласении покойному Преосвященному вечная память, возгласить сицевым образом: Блаженные памяти Преосвященнаго Амвросия, Архиепископа Московскаго и Калужскаго злочестивымъ убийцам анафема. 6-е) Приказать в каждой церкви Московской епархии, по получении сего указа немедленно, отпеть по покойном Преосвященном панихиду, и по окончании оной провозгласить оното Преосвященнаго убийцам вышепоказанным образом анафему. 7-е) Потом чрез всегодичное время чинить при отправляемых литургиях по нем Преосвященном поминовение и каждый месяц петь панихиды, с провозглашением убийцам анафемы вышеописанным же образом» [ПСПр, 1762–1772: 752, № 627] (ср. [Никольский 1879: 288]).

Соединение анафемы убийцам с возгласением вечной памяти убиенному в чине месячного и годового поминания как будто прямо воспроизводит стереотип ситуации, в которой, согласно нашему предположению, 29 июня 1175 г., в годовщину убийства Андрея Боголюбского, его убийцы были преданы анафеме, о чем на апсиде переяславского собора было сделано официальное извещение³⁸.

³⁸ В пользу этого предположения свидетельствует, как кажется, и последующая судьба граффито. Как мы отметили вначале, спустя какое-то время после его написания над прямоугольной рамкой был нарисован голгофский крест, при

Время пощадило выдающийся памятник древнерусской эпитафии, а осторожность реставраторов Спасо-Преображенского собора сберегла его уже в наши дни. Благодаря этому об обстоятельствах и участниках заговора, составленного в Боголюбове и реализованного под сводами княжеского дворца в ночь на 29 июня 1174 г., мы можем судить теперь не только по летописным рассказам, но и на основании письменного свидетельства, практически современного событиям. Надеемся, что изучение этого уникального источника будет плодотворным, а сам он будет должным образом сохранен от воздействия внешней среды и случайных повреждений.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

МДА – Рукописное собрание Московской духовной академии

РГБ – Российская государственная библиотека, Отдел рукописей

Библиография

Источники

Рукописи

МДА-236

РГБ, ф. 173.1 (собр. МДА), № 236 — Московско-академическая летопись, кон. XV – нач. XVI в. (цифровая копия: <http://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173-i-236>).

Издания

БЛДР, 4

Библиотека литературы Древней Руси, 4: XII век, С.-Петербург, 2000.

Борилов синодик

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И., *Борилов синодик. Издание и перевод*, София, 2012.

Византийские историки

Византийские историки, переведенные с греческого, С.-Петербург, 1859.

Добрыня и Алеша

Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г., подгот. изд., *Добрыня Никитич и Алеша Попович*, Москва, 1974.

ДРВ, VIII

Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей Российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся, VIII, С.-Петербург, 1775.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

ПрР

Правда Русская, 1: Тексты. Москва, Ленинград, 1940.

котором начертан ряд вертикальных линий. В этих штрихах можно усмотреть известную в древнерусской эпитафии форму фиксации поминальных служб [Корнієнко 2010: 381–391; Калечиц 2015]; в таком случае перед нами могут быть отметки поминальных служб по Андрее Юрьевиче, сопровождавшихся возгласением анафемы убийцам князя.

ПСПр, 1762–1772

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй, 1: 1762–1772 гг., С.-Петербург, 1910.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Изд. 2-е, Ленинград, 1926–1927.

———, 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Изд. 2-е, С.-Петербург, 1908.

———, 15

Полное собрание русских летописей, 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью, С.-Петербург, 1863.

———, 21/1

Полное собрание русских летописей, 21: Книга Степенная царского родословия, 1, С.-Петербург, 1908.

———, 38

Полное собрание русских летописей, 38: Радзивилловская летопись, Ленинград, 1989.

———, 41

Полное собрание русских летописей, 41: Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей), Москва, 1995.

Радзивилловская летопись

Радзивилловская летопись, С.-Петербург, Москва, 1994.

Степенная книга, 1

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: в 3 томах, 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X, Москва, 2007.

Io. Cinnamus

Ioannes Cinnamus, Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum, Bonna, 1836.

KNW

Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) (= Pomniki Dziejowe Polski, Seria II, T. XVI), Kraków, Warszawa, 2017.

RAPC 715–1206

Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople, Vol. I: Les Actes des Patriarches, Fasc. II–III: Les Regestes de 715 à 1206, 2-me éd., Paris, 1989.

RKOR 1025–1204

Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453, 2: Regesten von 1025–1204, 2., erweiterte und verbesserte Auflage. München, 1995.

Литература

Бережков 1963

Бережков Н. Г., Хронология русского летописания, Москва, 1963.

Булкин, Рождественская 1984

Булкин В. А., Рождественская Т. В., Надписи на камне из храма Софии в Полоцке, *Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1982*, Ленинград, 1984, 7–12.

Вилкул 2005

Вилкул Т., О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки), *Palaeoslavica*, 13, 1, 2005, 21–80.

Виноградов, Желтов 2019

Виноградов А. Ю., Желтов М. (свящ.), Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156–1159 гг.), *У истоков и источников: на международных и*

- междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко*, Москва, 2019, 35–56.
- Виноградов et al. 2020
Виноградов А. Ю., Елшин Д. Д., Свойский Ю. М. Вопросы строительной истории Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в свете новых открытий, *Архитектурная археология*, 2, Москва, 2020: 65–79.
- Воронин 1949
Воронин Н. Н., Раскопки в Переславле-Залесском, *Материалы и исследования по археологии СССР*, 11: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, I, Москва, Ленинград, 1949, 193–202.
- Воронин 1963
Воронин Н. Н., Повесть об убийстве Андрея Боголюбского и ее автор, *История СССР*, 3, 1963, 80–97.
- Гвозденко 2009
Гвозденко К. С., Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (35), 2009, 17–35.
- Гиппиус 2006
Гиппиус А. А., Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. III, *Русский язык в научном освещении*, 2 (12), 2006, 186–203.
- 2016
Гиппиус А. А., К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской, *Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*, Москва, 20–22 апреля 2016 г., Москва, 2016, 79–81.
- Гиппиус, Михеев 2017
Гиппиус А. А., Михеев С. М., Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 3 (69), 2017, 31–32.
- 2019
Гиппиус А. А., Михеев С. М., Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор, *Архитектурная археология*, 1, Москва, 2019, 35–54.
- Дергачев 2001
Дергачев В. В. Вселенский синодик в древней и средневековой России, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (3), 2001, 18–29.
- Добродомов 1993
Добродомов И. Г., Об одном алано-буртаском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века, *Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии*, Москва, 1993, 130–150.
- Зализняк 2000
Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.)*. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2000, 134–429.
- 2004
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.
- 2015
Зализняк А. А., Коррективы к таблицам внестратиграфического датирования, Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.)*, Москва, 2015, 276–278.

Иорданиди, Крысько 2006

Историческая грамматика древнерусского языка, 1: Иорданиди С. И., Крысько В. Б., Множественное число именного склонения, Москва, 2006.

Калечиц 2015

Калечиц И. Л., Одноименные поминальные граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке, *Вопросы эпиграфики*, 8, Москва, 2015, 179–192.

Калечиц 2011

Калечиц И. Л., *Эпиграфіка Беларусі X–XIV стст.*, Минск, 2011.

Карпов 2020

Карпов А. Ю., *Андрей Боголюбский*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2020.

Ключевский 1987

Ключевский В. О., *Сочинения. В 9 томах*, 2: *Курс русской истории*, Ч. 2, Москва, 1987.

Корнієнко 2010

Корнієнко В. В., *Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.)*, 1: Приділ св. Георгія Великомученика, Київ, 2010.

Корнієнко 2015

Корнієнко В. В., *Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.)*, 5: Приділ свв. Іокіма та Анни (південна сторона), Київ, 2015.

Кузнецов 2012

Кузнецов А. А., Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены, *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова*, Москва, 2012, 23–32.

Кузьмин 2014

Кузьмин А. В., *На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в.*, 1, Москва, 2014.

Кулаков 1993

Кулаков В. И., Прусская дружина и Русь, *Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Паашута. Москва, 12–14 апреля 1993 г. Тезисы докладов*, Москва, 1993, 43–46.

Кучкин 2003

Кучкин В. А., Летописные повествования об убиении кн. Андрея Боголюбского, *Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник*, С.-Петербург, 2003, 61–65.

Лимонов 1967

Лимонов Ю. А., *Летописание Владимиро-Суздальской Руси*, Ленинград, 1967.

——— 1987

Лимонов Ю. А., *Владими́ро-Сузда́льская Русь. Очерки социально-политической истории*, Ленинград, 1987.

Литвина, Успенский 2019

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Династический мир домонгольской Руси*, С.-Петербург, 2020.

Лихачев 1947

Лихачев Д. С., *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва, Ленинград, 1947.

Лопухина, Флоря 2009

Лопухина Е. В., Флоря Б. Н., Илия Муромец, *Православная энциклопедия*, 22: Икона – Иннокентий, Москва, 2009, 307–312.

Насонов 1969

Насонов А. Н., *История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования*, Москва, 1969.

НГБ, X

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.) Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2010.

———, XII

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.), Москва, 2015.

Никольский 1879

Никольский К., *Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о чине Православия*, С.-Петербург, 1879.

Отчет 2015

Отчет о наблюдении за реставрационными работами на объекте культурного наследия федерального значения «Спaso-Преображенский собор, 1157 год» (<http://projects.museumpereslavl.ru/files/sobor-otchet-shadunts-2015.pdf>)

Павлов 1895

Павлов А., Синодальный акт Константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 года о приводе архиереев к присяге на верность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею, с формой самой присяги, *Византийский временник*, 2, 1895, 388–393.

Петрухин 2009

Петрухин П. В., К изучению новгородской берестяной грамоты № 724, *Русский язык в научном освещении*, 1 (17), 2009, 109–126.

——— 2019

Петрухин П. В., Где и когда собирал дань новгородец Савва?, *Slověne*, 8/1, 2019, 55–108.

Рыбаков 1964

Рыбаков Б. А., *Русские датированные надписи XI–XIV веков* (= Археология СССР. Свод археологических источников, Е 1–44.), Москва, 1964.

Серебрянский 1915

Серебрянский Н. И., Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты), *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских*, 3 (254), 1915, Раздел II: Исследования, I–IV, 1–296, 1–186, I–VI.

СК XI–XIII

Жуковская Л. П., отв. ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.*, Москва, 1984.

Срезневский, 1

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1: А – К, С.-Петербург, 1893.

СРНГ, 20

Словарь русских народных говоров, 20: *Накучкать – Негоразд*, Ленинград, 1985.

———, 42

Словарь русских народных говоров, 42: *Стриж – сухловина*, С.-Петербург, 2008.

Стефанович 2019

Стефанович П. С., Об убийцах Андрея Боголюбского в свете новых данных, *Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции. 9–13 сентября 2019 года*, Москва, Россия, Москва, 2019, 190–191.

Сукина 2018

Сукина Л. Б., Граффито с поминанием князя Андрея Боголюбского на абсиде Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском: проблемы интерпретации происхождения, смысла и назначения текста, *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 3, 2018, 49–56.

Тихомиров 1950

Тихомиров М. Н., Сказания о начале Москвы, *Исторические записки*, 32, Москва, 1950, 233–241.

— 1952

Тихомиров М. Н., Условное феодальное держание на Руси XII в., *Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей*, Москва, 1952, 100–111.

Топоров 1972

Топоров В. Н., «Baltica» Подмосковья, *Балто-славянский сборник*, Москва, 1972, 217–280.

Уваров 1870

Уваров А., *Две битвы 1177 и 1216 годов по летописям и по археологическим изысканиям*, Москва, 1870.

Успенский 1891

Успенский Ф., *Очерки по истории византийской образованности*, С.-Петербург, 1891.

Фроянов 1980

Фроянов И. Я., *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории*, Ленинград, 1980.

Чернов 2017

Чернов С. З., О хронологических рамках заключения брака Андрея Боголюбского, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 3 (69), 2017, 160–162.

Шамбинаго 1936

Шамбинаго С. К., Повести о начале Москвы, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 3, Москва, Ленинград, 1936, 59–98.

Alexander 2003

Alexander J. T., *Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster*, Oxford, New York, 2003.

Brogliato 1992

Brogliato B., *Il Cantico delle Pietre. Museo lapidario assisano dal sec. XII al sec. XX*, Assisi, 1992.

Flier 2014

Flier M. S., The murder of Andrej Bogoljubskij in word and image, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, 2014, 103–118.

Fögen 1995

Fögen M. Th., Rebellion und Exkommunikation in Byzanz, *Ordnung und Aufruhr im Mittelalter. Historische und juristische Studien zur Rebellion* (= Ius Commune. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte, Sonderhefte. Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte, 70), Frankfurt am Mein, 1995, 43–80.

Frigieri 2004

Frigieri E., *Il Duomo di Modena tra filosofia e storia*, Verona, 2004.

Poppe 1989

Poppe A., Words that serve the authority: On the title of “Grand Prince” in Kievan Rus’, *Acta Poloniae Historica*, 60, 1989, 159–184.

Rásonyi & Baski 2007

Rásonyi L., Baski I., *Onomasticon Turcium: Turkic Personal Names as collected by László Rásonyi*, Bloomington, 2007.

SSNO, V

Słownik staropolskich nazw osobowych, 5, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1977–1980.

References

- Alexander J. T., *Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster*, Oxford, New York, 2003.
- Berezhkov N. G., *Khronologiya russkogo letopisaniia*, Moscow, 1963.
- Brogliato B., *Il Cantico delle Pietre. Museo lapidario assisano dal sec. XII al sec. XX*, Assisi, 1992.
- Bulkin V. A., Rozhdvestvenskaya T. V., *Nadpisi na kamne iz khrama Sofii v Polotske, Pamiatniki kultury: Novye otkrytiia: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1982*, Leningrad, 1984, 7–12.
- Chernov S. Z., O khronologicheskikh ramkakh zakliucheniia braka Andreia Bogoliubskogo, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 3 (69), 2017, 160–162.
- Dergachev V. V., Vselenskii sinodik v drevnei i srednevekovoi Rossii, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 1 (3), 2001, 18–29.
- Dobrodomov I. G., Ob odnom alano-burtasskom imeni v epifatiakh volzhskikh bulgar XIV veka, *Onomastika i epigrafika srednevekovoi Vostochnoi Evropy i Vizantii*, Moscow, 1993, 130–150.
- Flier M. S., The murder of Andrej Bogoljubskij in word and image, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, 2014, 103–118.
- Fögen M. Th., Rebellion und Exkommunikation in Byzanz, *Ordnung und Aufruhr im Mittelalter. Historische und juristische Studien zur Rebellion* (= Ius Commune. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte, Sonderhefte. Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte, 70), Frankfurt am Mein, 1995, 43–80.
- Frigieri E., *Il Duomo di Modena tra filosofia e storia*, Verona, 2004.
- Froyanov I. Ya., *Kievskaja Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*, Leningrad, 1980.
- Gippius A. A., K prochteniiu nadpisi № 3541 Sofii Kievskoi, *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoi infrastruktury. XXVIII Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto*, Moskva, 20–22 aprelia 2016 g., Moscow, 2016, 79–81.
- Gippius A. A., Sochineniia Vladimira Monomakha: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. III, *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (12), 2006, 186–203.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., Nadpisi-graffiti tserkvi Blagovesheniia na Gorodishche: predvaritel'nyi obzor, *Arkhitekturnaia arkheologiya*, 1, Moscow, 2019, 35–54.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., Nadpisi' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo iz Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zaleskom, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 3 (69), 2017, 31–32.
- Gvozdenko K. S., The Ceremony of Prince's Enthronement in Pre-Mongol Rus', *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 1 (35), 2009, 17–35.
- Kalechits I. L., *Epigrafika Belarusi X–XIV stst.*, Minsk, 2011.
- Kalechits I. L., *Odnoimennyye pominal'nye graffiti Spaso-Preobrazhenskoi tserkvi v Polotske, Voprosy epigrafiki*, 8, Moscow, 2015, 179–192.
- Karpov A. Yu., *Andrej Bogoliubskii*, 2nd ed., Moscow, 2020.
- Kornienko V. V., *Korpus graffiti Sofii Kiivs'koi (XI – počatok XVIII st.)*, 1: Pridil sv. Georgiia Velikomučenika, Kyiv, 2010.
- Kornienko V. V., *Korpus graffiti Sofii Kiivs'koi (XI – počatok XVIII st.)*, 5: Pridil sv. Iokima ta Anni (pivdenna storona), Kyiv, 2015.
- Kuchkin V. A., Letopisnye povestvovaniia ob ubienii kn. Andreia Bogoliubskogo, *Pis'mennye pamiatniki istorii Drevnei Rusi. Letopisi. Povesti. Khozhdeniia. Poucheniia. Zhitiia. Poslaniia. Annotirovannyi katalog-spravochnik*, St. Petersburg, 2003, 61–65.
- Kulakov V. I., Prusskaia družhina i Rus', *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Spornye problemy istorii. Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto*, Moscow, 12–14 aprelia 1993 g. Tezisy dokladov, Moscow, 1993, 43–46.
- Kuzmin A. V., *Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seređine XV v.*, 1, Moscow, 2014.
- Kuznetsov A. A., Svedeniia istochnikov XV–XVII vv. ob uchastii v ubiistve Andreia Bogoliubskogo ego zheny, *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.)*, *Sbornik statei. K 80-letiiu chlena-korrespondenta RAN V. I. Buganova*, Moscow, 2012, 23–32.
- Likhachev D. S., *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie*, Moscow, Leningrad, 1947.
- Limonov Yu. A., *Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi*, Leningrad, 1967.
- Limonov Yu. A., *Vladimiro-Suzdal'skaia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*, Leningrad, 1987.
- Litvina A. F., Uspenskii F. B., *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi*, St. Petersburg, 2020.
- Nasonov A. N., *Istoriia russkogo letopisaniia XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniia*, Moscow, 1969.
- Petrukhin P. V., Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute?, *Slověne*, 8/1, 2019, 55–108.
- Petrukhin P. V., K izucheniiu novgorodskoi berestianoi gramoty № 724, *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1 (17), 2009, 109–126.
- Poppe A., *Words that serve the authority: On the title of "Grand Prince" in Kievan Rus'*, *Acta Poloniae Historica*, 60, 1989, 159–184.
- Rásonyi L., Baski I., *Onomasticon Turcium: Turkic Personal Names as collected by László Rásonyi*, Bloomington, 2007.
- Rybakov B. A., *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov* (= Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E 1–44.), Moscow, 1964.

Shambinago S. K., *Povesti o nachale Moskvy, Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 3, Moscow, Leningrad, 1936, 59–98.

Smirnov Yu. I., Smolitsky V. G., prep. ed., *Dobrynia Nikitich i Alesha Popovich*, Moscow, 1974.

Stefanovich P. S., Ob ubiitsakh Andreia Bogoliubskogo v svete novykh dannyykh, *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 9–13 sentiabria 2019 goda*, Moscow, Russia, Moscow, 2019, 190–191.

Sukina L. B., Commemorative Graffito of Prince Andrey Bogolyubsky on the Abse of the Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalesky: Problems of Interpretation of Origin, Meaning and Purpose of the Text, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3, 2018, 49–56.

Tikhomirov M. N., Skazaniia o nachale Moskvy, *Istoricheskie zapiski*, 32, Moscow, 1950, 233–241.

Tikhomirov M. N., Uslovnoe feodal'noe derzhanie na Rusi XII v., *Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dniu semidesiatiletiiia: Sbornik statei*, Moscow, 1952, 100–111.

Toporov V. N., “Baltica” Podmoskov'ia, *Baltoslavianskii sbornik*, Moscow, 1972, 217–280.

Vilkul T., O proiskhozhdenii obschego teksta Ipat'evskoi i Lavrent'evskoi letopisi za XII v. (predvaritel'nye zametki), *Palaeoslavica*, 13, 1, 2005, 21–80.

Vinogradov A. Iu., Elchin D. D., Svoiskii Iu. M., Voprosy stroitel'noi istorii Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zaleskom v svete novykh otkrytii, *Arkhitekturnaia arkhheologiia*, 2, Moscow, 2020, 65–79.

Vinogradov A. Iu., Zheltov M., Pravovye akty

Russkoi mitropolii pri Konstantine I (1156–1159 gg.), *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putiakh. Iubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*, Moscow, 2019, 35–56.

Voronin N. N., *Povest' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo i ee avtor. Istoriiia SSSR*, 3, 1963, 80–97.

Voronin N. N., Raskopki v Pereslavle-Zaleskom, *Materialy i issledovaniia po arkhheologii SSSR*, 11: Materialy i issledovaniia po arkhheologii drevnerusskikh gorodov, 1, Moscow, Leningrad, 1949, 193–202.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., Korrektyvy k tablitsam vne-stratigraficheskogo datirovaniia, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.), Moscow, 2015, 276–278.

Zaliznyak A. A., Paleografiia berestianykh gramot i ikh vne-stratigraficheskoe datirovanie, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiia berestianykh gramot i ikh vne-stratigraficheskoe datirovanie, Moscow, 2000, 134–429.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.), Moscow, 2015.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.) Paleografiia berestianykh gramot i ikh vne-stratigraficheskoe datirovanie, Moscow, 2010.

Алексей Алексеевич Гиппиус, доктор филологических наук,

член-корреспондент РАН,

ведущий научный сотрудник

НИУ «Высшая школа экономики»,

105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

Россия / Russia

agippius@mail.ru

Савва Михайлович Михеев, кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Института славяноведения РАН,

119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Россия / Russia

mikheev@gmail.com

Received April 23, 2020